

Весь гонорар за эту книгу автор перечисляет в благотворительный фонд содействия решению проблем аутизма «Выход».

#ДЖОН ШЕМЯКИН

Звезда соцсетей:
более 70 000
восторженных
подписчиков!

ДИКИЙ БАРИН

В ДОМАШНИХ
УСЛОВИЯХ

Джон Шемякин

**Дикий барин в домашних
условиях (сборник)**

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шемякин Д. А.

Дикий барин в домашних условиях (сборник) / Д. А. Шемякин —
«АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-107089-2

Джон Шемякин — знаменитый российский блогер, на страницу которого в Фейсбуке подписано более 70 000 человек, тонкий и остроумный интеллект, автор восхитительных автобиографических историй, неизменно вызывающих фурор в Рунете и интенсивно расходящихся на афоризмы. «Немногие знают, что я: работал год коком на танкере в Тихом океане; шесть месяцев носил имя Евгений; был импресарио у колдуньи Любы; играл на сцене адмирала Нахимова; учился в духовной семинарии; трудился в 93-м заместителем руководителя аппарата Демократической партии России; публиковал в журнале «Пионер» стихи про любовь; в 1984 году ездил в Никарагуа на сбор кофе; был укушен ядовитой змеей; получил отравление хлором при производстве ремней для джинсов «Ранглер»; принимал пустые бутылки у водочного магазина, в котором работал продавцом, числясь по кафедре всеобщей истории университета преподавателем».

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107089-2

© Шемякин Д. А., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Подробно обо мне	7
Фигурки	7
Инкубатор	8
Катастрофа	9
Манифест	10
Коротко обо всём	11
Коротко обо всём – 2	12
Генетика	13
Флегматически	14
Элегия	15
Психо	16
Психо-2	17
Старик	19
Театр	20
Лицо	22
Лень	23
42	24
Методика	25
Опущение	27
Симпозиум	29
Расплата	30
Глухомань	31
Опустошенцы	32
Охота	33
Недоразумение	34
Больничка	35
Следопыт	39
Настроение сезона	40
Мораль	41
Эмансипация	42
Шарманка	43
Дружба	44
Приглашение	45
Нытьё	46
Радио	47
Фульгенций	48
Папанин и Курчатов	49
Королевская семья	50
Афанасий Степанович	51
Страсти	52
Фото во сне	53
Организатор	54
Два взгляда	55
Названия	56
Спасать	57
Вай-фай	58

Рентген	60
Структура	61
Кошелёк	62
Косметический кабинет	63
Вагон	64
Лысенко и Бакунин	65
Недопонимание	67
Такси	68
Неглухой Бетховен	70
Мечта	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Джон Шемякин
Дикий барин в домашних условиях

© Д. Шемякин, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Подробно обо мне

Фигурки

В библиотеке моей на верхних полках в прихотливых позах стоят фарфоровые фигурки дель арте.

Они мне достались по наследству. Я рассчитывал получить в наследство дом на берегу. Но выдали только коллекцию фарфора.

Я попросил выдать мне всё же дом. Но когда пришли забирать фарфор, я согласился на фарфор.

Постепенно привык к нему. Особенно к фигуркам этим. Смотришь на них и вспоминаешь, что мир полон чужой жадностью.

И не одной! Чужие жадности охотятся за моей маленькой круглоглазой жадностью. Она у меня трогательная, беззащитная. Как зайчонок какой. А у других жадности – ого! Размером с плотоядную лошадь, с полярного медведя, доедающего Санта-Клауса. Зубищи!

Чужие жадности не дают жизни моей крошечной жадности. Они преследуют её и терзают. Это ужасно. Ужасно.

Я вот думаю устроить фотосессию. Мои личные грехи в интерьере. Симпатичное Чревоудогие сидит с аккуратной Похотью в гостях у доброй Лени. Потрескивают дрова в чистеньком камине. Чай. Монокли. Умное Уныние играет с прекрасным Гневом в шахматы. Смотрят друг на друга ласково. Тщеславие протирает тарелки. Зависть разносит печенье. Чашки. Молочники со сливками.

А в заиндеветшие окна на это Рождество смотрят перекошенными злобными рожами пять моих забытых в овраге добродетелей. Сердечность тянет из валенка финкарь:

– Погреемся тута... Ничё... Целомудрие! Или как тебя там?! Обойди дом сзади! И Кротость прихвати, как огонь зачнётся – первыми ринетесь! Щедрость растолкайте, на ней выводить будем кое-что кусками на выбор!

Инкубатор

Раньше я был нормальным. А теперь – нет.

Мозг постепенно поработает моё жаркое ладное тело. Вероятно, это старость.

Раньше мой мозг был маленьким и робким, не встревал в принятие важнейших решений. Как и у любого мужика, мозг мой был досадной нагрузкой на органы репродукции. И спирт помогал нагрузку мозговую на органы репродукции снизить до нормального уровня «выкл.».

А теперь мозг как-то осмелел, смотрю. Диктует условия, выявляет логику происходящего.

Страшно. Чувствуешь себя мозговым инкубатором вроде гражданки Рипли.

Катастрофа

Как всем прекрасно известно, работаю я с восьми лет. Как женился.

Меня сразу погнали взашей из второго класса, и я был вынужден пойти работать в ближайшие каменоломни.

Потом был танкер. Списан. Сучкоруб. Леспромхоз. Потом я мыл золото на драге. Сидел. Академия наук.

Потом мне исполнилось десять. У меня уже дети, я пошёл в бизнес. Начал очень удачно. Биржа, опционы, залоги, кредиты на системе, снова биржа, успех за успехом. Через три года успехов в бизнесе и коррупционных скандалов с генеральным прокурором, слава богу, нашёл на улице триста рублей и купил себе первые в жизни штаны. Ношу не снимая до сих пор.

А дальше уже по накатанной всё. Тридцать лет – лейтенант! Сорок лет – старший лейтенант! Сорок пять лет – младший лейтенант! Азартная попытка государственной измены. Сразу капитана дали. Вставили зубы. Запись в личном деле: «склонен к карьеризму, завистлив, седобород, не спит годами, отлично смотрится в чёрном».

Теперь сторожу склады. Семья счастлива. Смотрю на прохожих дерзко.

И всю жизнь меня окружают алярмисты всякие, катастрофисты и свидетели Армагеддона. Они рассказывают мне про то, как все будет ужасно. А я ещё из себя всю пыль каменоломни не выдохнул. Но слушаю их, румяных. Про грядущий кошмар.

Совещание сегодня было посвящено неизбежному и кошмарному концу ужаса катастрофического апокалипсиса последних дней гибели обречённого светопредставления.

Нынешние алярмисты – они как и прежние алярмисты. Но, конечно, гораздо более готовые, умелые и решительные. Знают решительно всё. Не подохнут, как прежние, из-за подмёрзшей картошки и драки над ней.

Один купил дизель. Вторая качается в спортивном зале для Армагеддона. Третий хочет спасти свою маму. Зачем? Что она такого должна увидеть радостного, чтобы для этого её ещё и спасти из радиации? Всадников четырёх? Горящие крылья ангелов? Дождь из серы над озером из лавы? Летящего в небе мэра Москвы с черепом лося на голове?..

Эти люди, кстати, имеют прямой доступ ко мне. И прекрасные работники. Вносят бумаги, выносят мозг, вносят бумаги. Хорошие. Но вот что у людей за стратегия такая в головах?

Я послушал всех и приказал учения провести. В ближайшие выходные. Я в кино не хожу, так хоть так. Я хочу посмотреть, как люди будут менять меж собой обезболивающее и алкоголь на алкоголь и обезболивающее. Как спасут маму. Как качающаяся для Армагеддона впервые, кусая губы и краснея, наденет на своё мускулистое – кружевное, чтобы раздобыть пол-литра керосина, несмело предлагая себя у дюралевых ангаров.

Про керосин, кстати, все забыли! Все! Кроме меня. Ибо я мудр. И пол-литра керосина приготовил, Катя!

И хлебца с солью для коня белого.

Манифест

Манифестом моего отношения к миру является следующее.

Кто-то говорит мне: я видел вчера Богородицу в своей тарелке со щами. И я думаю: какая странная тарелка. Я не думаю: какой странный человек. И не думаю: что забыла Богородица в тарелке у этого человека? Я просто думаю: странная тарелка. Вот и весь манифест моего отношения к миру. Которое я считаю единственно верным, конечно.

Манифестом моего отношения к политике служит соображение, что человек теряет возможность стать мэром Краснодара, выучив латынь.

Манифестом моего отношения к семье является мой семейный альбом с фотографиями. Кто-то испытывает гордость за прошлое своей семьи. Камергеры сплошь. Защитники. Командиры линейных крейсеров. Я, разглядывая фотографии предков, остро горжусь сегодняшним днём своей семьи. Спим в тепле, едим горячее по разрешённым дням.

Манифестом моего отношения к будущему служит проект моего надгробия. На надгробии я размещу загадку и гарантию выплаты в случае отгадки. Это обеспечит моему надгробию интересную судьбу, постоянный приток людей и, надеюсь, блокбастер по итогу.

Манифестом моего отношения к образованию служит призыв: верните в школы логику, риторику и как можно больше физкультуры.

Мангифестом моего отношения к воспитанию является лозунг: «Награда только для победителей!» Меня так воспитывали, наград вообще не получал никогда. Радовался солнечному зайчику.

Мама поцеловала один раз. Мне было пять лет. Был праздник. И мама перепутала меня с моей сестрой.

В детском саду скандировал истины простые и великие: хлеб – хозяину, мясо – Господу! Жизнь была понятна и хороша: тощих жалели, волосатых стригли, бездельников наказывали. С уроков отпускали только на казни государственных преступников.

Теперь же, смотрю, награды полагаются всем! Чуть ли не «за участие».

До добра не доведёт поощрение просто участия.

Реальность как-то настораживает. Мелочность детенышей возмущает. Чувствуешь себя питекантропом в аэропорту. Голый, дикий, злобный. Бежишь на полусогнутых. Понятно, что без билета не пустят в бизнес-класс. Придется в экономе лететь, выкусывая блох. Жизнь свистит мимо.

Какой смысл в детском конкурсе, если проигравших не волокут за ноги на расправу? В чем тогда смысл победы?!

Коротко обо всём

Немногие знают, что я:

- а) Работал год коком на танкере в Тихом океане.
- б) Шесть месяцев носил имя Евгений.
- в) Был импрессарио у колдуньи Любы.
- г) Играл на сцене адмирала Нахимова.
- д) Учился в духовной семинарии.
- е) Трудился в 93-м заместителем руководителя аппарата Демократической партии России.
- ж) Публиковал в журнале «Пионер» стихи про любовь.
- з) В 1984 году ездил в Никарагуа на сбор кофе.
- и) Был укушен ядовитой змеей.
- к) Получил отравление хлором при производстве ремней для джинсов «Ранглер».
- л) Принимал пустые бутылки у водочного магазина, в котором работал продавцом, числясь по кафедре всеобщей истории университета преподавателем.

Коротко обо всём – 2

Немногие также знают, что я:

- а) До пяти лет был абсолютно лысый.
- б) Довольно сильно заикаюсь в минуты волнения.
- в) Награждён медалью ВДНХ за изобретение рецептуры консервов «Печень трески с мясом белокорого палтуса».
- г) Люблю спать на полу.
- д) Читаю в парной журналы и газеты.
- е) Люблю есть лимоны целиком, откусывая как от яблока.

Генетика

Тут недавно предложили мне провериться в генетическом плане.

Я на всякий случай сначала обиделся и стал шипеть с дерева, на которое меня загнали незнакомые собаки в парке.

Всякие анализы вызывают у меня дикий ужас. Ну, кровь – ладно, хотя раньше вакуумных пробирок не было и кровь из пальца у меня сосали через резиновый шланг с причмокиванием. А вот когда меня в пионерские вожатые забривали, в КВД такое со мной учудить надумали посредством ватки, намотанной на проволоку, что я сразу на колени упал, умолял не губить и даже кусочек мыла, сберегаемый для военного комиссариата, не пожалел – пустил такую пену изо рта, что потом уборщицы меня в этом КВД хвалили и ставили в пример.

Кстати, симулировать надо с мылом «Дегтярным» – от него запах естественный. А то были случаи: лежит рабочий паренёк, а исходит от него, как от отрока Варфоломея, благоухание редкое. Видно, что мамаша евонная о себе заботится и на сыне решила не экономить, запихнула ему в пасть кусок мыла «Консул» да перекрестила на дальнюю дорогу. Вы таких казусов старайтесь избегать.

Снова отвлёкся, извините.

Значит, генетическую пыточную предложили посетить. Стало многим любопытно, что из этого выйдет, какие корни мои выявит эта генетическая лаборатория. Потому как если насчёт меня экспертиза не соврёт, то и про других правду скажет.

Я поясню. Во мне столько разнорасового и разнорасового намешано, что, по идее, я должен был подохнуть в корчах уже на этапе детского сада. Но я предпочёл служить эталонным проверочным образцом для коммерческих исследователей.

Шотландцы, ирландцы, маньчжуры, немцы – это ещё ладно, с кем не бывает. Но вот прадед негр – это как?! Или вон мордовские предки смотрят из-за замшелого родового пня весьма строго.

А легендарный русский прапрадед, что по-чичиковски уверенно кронштадтской таможней управлял?! Его как в мои предки занесло? На что он-то рассчитывал?!

И ещё многие удивляются, глядя на меня, что, мол, такое за хлебушком зашло, хлопая лучистыми глазыньками на коричневом лице, полном живого лукавства и губ? Откуда ты, престестное дитя?

Одного опасаюсь: от перегрева может рвануть генная лаборатория-то. Я говорю, риск есть, товарищи. Полыхнёт над горизонтом, потом гул, потом акустический удар, а потом только хищных лаборантов в обгорелых халатах лови по лесам, одичалых страдальцев, стреляй их с вертолётков. Карантин объявят, снимут художественный фильм, возможно, звуковой.

А может, и ну их. Пусть полыхнёт. И для верности я им туда слюнные пробы деток своих запсочу. Я ведь не скучал, выводил особую породу, к моему генетическому абсурду удачно присоединились ещё украинские и французские составляющие. Вот чего бойся, исследователь!

Не выдавайте пока меня.

Флегматически

Сидите вы с шампанским, женщинами и планами. Пена дней, буржуазные желания. Всё пышет жаром и грядущим восторгом. Билеты в Париж! Ласка бриза на щеках! Сердце стучит в такт паровому двигателю лайнера! В иллюминатор вдуваются легчайшие занавески. Лионский шелк.

И тут дверь со скрипом открывается. На пороге отсыревший дядечка. Слепой, очевидно. Входит. Холодными руками ощупывает ваше лицо. Говорит:

– Шума не люблю.

Утренний я.

Элегия

А ещё бывает такое состояние, что вот как будто ты козёл. Такой, знаете, блудливый козёл, который жрёт, растопырив мятые уши и пованивая, чужую сочную капусту.

Стоишь под дождиком осенним. Похожий чем-то неуловимым на царесексуалиста-гипнотизёра Г. Е. Распутина. Ноги свои козлиные, разъезжающиеся в грязи, пытаешься как-то хоть подсобрать. И жрёшь удивительно вкусную, такую свежую, такую прекрасно не свою капусту. Просто вгрызаешься в неё, упиваешься сочностью и хрустом.

Жрёшь и внутренне стонешь от наслаждения и надвигающейся боли. К тебе ведь уже бегут с жердями злые мужики, чтобы бить. И вот ты стоишь, смотришь на них сквозь козлиную чёлочку, в глазах у тебя мудрость, тревога, серое небо и приближающиеся неминуемые звезды. Сладко, страшно и неповторимо. Ведь вот она, капуста, вот кривой тополь, вот прореха в заборе, вот и мужики с их нестерпимым грубым азартом, – а убежать не можешь.

Поэтому стоишь, думаешь, торопливо хрустя и кося, что завтра ведь солнце взойдёт всё равно. Наверное.

И дождичек между рогов семенит частенько – тык-тык-тык.

Психо

Племяннице пришёл журнал.

Все журналы племянницы содержат статью про то, что надо съесть, чтобы испытать оргазм, или статью, как испытать оргазм, чтобы что-то съесть. Плюс письма читательниц про их способы заполучить некоторое удовольствие с помощью, честно скажу, всего!

И этот журнал не был исключением. Цензурю я партийную периодику племянницы в лифте, там же показываю журнал случайным спутникам, выразительно дыша и закатывая глаза. Цокаю языком. Племяннице ничего не говорю, так как боюсь её.

А мне в почтовый ящик опустили брошюру, название которой сначала меня не насторожило совсем, а теперь, наверное, уже поздно. «Способы ранней диагностики когнитивных расстройств». Два автора. Монреальская какая-то схема выявления. Ещё одна схема.

Хорошо, что я ни хрена не понимаю!

Психо-2

Овладеваю брошюрой про диагностику когнитивных расстройств.

В брошюре предлагают вырезать несколько картинок, наклеить их на картон и тренироваться в плане умственной сохранности. Не знаю... Я сломался на уровне «проклейте уголки».

Забросив картинки, зачитал симптомы деменции. В списке «Нарушения интеллекта» обнаружил у себя из семи критических показателей пять: нарушение ориентации, расстройство внимания, нарушение аналитико-синтетических функций, нарушение подвижности и целенаправленности ассоциативного процесса, нарушение критики.

Как вы только что поняли, нарушений шесть, а не пять. Не заметили? Тогда вилькоммен нах менталише клиник «АКЕ ауфштанд-31».

Далее. Раздел «Нарушения эмоционально-волевой сферы». Тут у меня и раньше-то было не ахти. Из шести – пять! Уплотнение и однообразие аффекта, эйфория-депрессия, апатия. И моя любимица – расторможенность влечений. В этом пункте я как рыба в воде: собирание хлама, гиперсексуальность, нарушение контроля над первоначальными импульсами. Как на ладони.

Раздел «Нарушение личности». Из трёх пунктов – два. Ослабление морально-этического контроля (неуместные шутки, нарушение принятых в обществе норм, несоблюдение правил гигиены) и нарастающий эгоцентризм. Всем страдаю с двух лет. Тут норма.

Сейчас читаю про лобно-височную дегенерацию и ингибиторы фосфодиэстеразы: пентоксифиллин и винпоцетин. Выписываю на бумажку средства, которые могут хоть как-то поддержать на плаву.

С вероятностью в сто процентов я, оказывается, наслаждаюсь (не привык страдать) шизофреническим патопсихологическим симптомокомплексом. Загибаем пальцы:

Восприятие. Ограниченность, нереалистичность или фантастичность (по Романову и Носачёву) характера восприятия.

Мышление:

1. Искажение процесса обобщения по типу актуализации несущественных (преимущественно латентных или гиперабстрактных) признаков, частая опора на второстепенные, поверхностные, лично-значимые признаки. Читать перестал после слова «латентных», понятно. Вступила в действие опора на лично-значимые признаки. Даже не спрашивайте.

2. Разноплановость. Суждение о каком-либо явлении протекает в разных плоскостях, выводы не представляют собой планомерного и целенаправленного высказывания. Воробей, это, паровоз, кто красный вода там, мнемозина идти, а с другой стороны! и тут, и где, где?! Лоханка!

3. Резонёрство. Склонность к рассуждательству со своеобразной аффективной захваченностью, сужением круга смыслообразующих мотивов, повышенной тенденцией к резко очерченным оценочным суждениям. А? А?! Как можно так?! Это же ужасно! Только в этой стране так безбожно!.. так бессмысленно и грязно!.. Пидорасы, задрали!

4. Нарушение критичности мышления. Я верю всему.

5. Воображение. На ранних этапах болезни (тут я улыбнулся) отличается высокой продуктивностью. Характерна разнородность образов, их нереалистичность, свехоригинальность. На более поздних стадиях, при которых расстройство операционного и мотивационного компонентов носят развёрнутый характер, обнаруживается снижение уровня воссоздающего и творческого воображения. То есть я, Жванецкий, Акунин и Лев Толстой. К сожалению, болезнь прошла стороной мимо писателя Дж. Мартина.

6. Речь. Характерны изменения семантической стороны (шизофазия, неологизмы, изменения значения слов, избыточная смысловая насыщенность речи). Возможно преобладание

монологовой активности. Далее авторы забыли, что врачи, и дописали как бы сбоку: «набивка речи: заполнение пустых пространств листа, орнаментация, привнесение символики, персеверация элементов». Как так можно?! Я могу говорить об этом часами перед йохирдунтами чвырлозными, говорить, говорить, говорить!

7. Эмоциональная сфера. Снижение нюансировки, адекватности эмоциональных реакций на стандартные стимулы и ситуации. Неадекватность амплитуды реакции на повседневность. Обеднение всех параметров эмоционального ответа. Не знаю, не знаю. Два часа красиво простоял перед зеркалом – ничего не заметил такого, просто орал от великолепия увиденного. Нормальная реакция, так скажу.

8. Нарушение структуры и иерархии потребностей, ослабление потребностей в интеллектуальном развитии... Чё за гон?!

Старик

Ещё вчера, звонко смеясь, я верхом носился по выгоревшей степи, вздымая под великим безразличным небом золотую ханскую пайцзу. Ещё вчера я дышал ковылями и чадом сгоревших посевов, любуясь отчаянием белокурых селян. Ночью пел гортанные напевы далёкого Каракорума.

А сегодня вернулся в город и внезапно осознал, что казавшийся таким долгим путь от юного баловника до старого дурака мною успешно пройден.

Загрустил. Решил освежить себя видами отдыхающих горожан и повелел нести меня на нашу гранитную набережную.

Пил, обмахиваясь новой панамой, шипучую минеральную воду с лаймом на набережной и увидел свою судьбу. Не представляю как, но пробрался на охраняемую веранду могучий нищий старик, из таких стариков, что к забору отшатнёшься, повстречавши глухой ночью в заборчатом переулке, заранее вытягивая из жилетного кармана часы.

Нищий старик имел при себе в нагрудной сумке одноглазого кота. Тоже очень впечатляющего. Кот с башкой размером с многодетную кастрюлю сверлил меня единственным глазом. На обгрызенном ухе сидела муха.

Вот есть коты, глядя на которых живо представляешь себе бабушку-вязальщицу в чепце с потёртыми лентами, постреливающую угольками печь, половик на восковых половицах. А есть такие коты, что сразу кровь, тоскливый утробный вой за мшистой крепостной стеной и седой сутулый инквизитор потирает заросший щетиной подбородок в отсвете факела.

Представленный моему вниманию кот был из последних. Они с дедом были похожи на ветеранов Скорцени.

Дед протянул мне бумагу, на которой было достаточно уверенно начертано: «Прошу для котика! Будь человеком!»

Таким вот почерком обычно предлагалось собраться с вещами к полудню у здания вокзала для отправки к небесным антресолям.

Театр

Начитанность и искушенность моих друзей и друзей друзей, которых имею я в житейском обозрении, поражает меня.

Белинский в восторге, чуть задыхаясь Дорониной, спрашивает у нас:

– Любите ли вы театр так, как я люблю его, то есть всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем исступлением, к которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлений изящного?

Набирает воздуха в грудь...

А мы успеваем быстро и хором ответить:

– Да! Любим! Ещё как!

Хлопаем в ладоши. Я встаю и кланяюсь на четыре стороны и в угол ещё. Хлопки усиливаются. Я стыдливо закрываю лицо руками, но быстро и счастливо разнимаю их и вновь кланяюсь.

Белинский топчется на месте в горьком недоумении несправедливо осажённого рысака, плюет в зал и уходит.

– Твари, глядь, тупые... – из кулис.

Мы в зале с пониманием смотрим друг на друга в лорнеты.

Выходит Гоголь. Нет, не выходит, вылетает! Какой там выходит... Летит! Летит! Сам чёрт ему не брат, а кумов попередник! Крылатка стремительна всем на диво на нем! Что за чудо, а не крылатка!..

– Знаете ли вы, что такое украинская ночь? – говорит Николай Васильевич в сладком волнении.

– Да, да! Конечно! – кричим мы. – Конечно, знаем!

Некоторые достают шампанское и с шумом его откупоривают. Легкий гул по рядам. Свет люстр удачно ложится на меха и дробится в камнях. Вносят фазанов. Свист. Осетры. Кто-то вскакивает уже с пучками петрушки в ушах. Смех. Одобрения. С потолка сыпятся 100, 5000 и 500 в разном исполнении.

Из кулис выбегает Белинский с молотком:

– Коля! Коля! Пригнись!..

Лев Николаевич Толстой выводится напряжёнными театральными служителями на сцену. Упирается могучими стопами. Служители отдирают руки прозаика от бутафорских колонн. Граф могуче и отрицательно водит головой. Басит себе в босые ноги:

– Свобода? Зачем свобода? Счастье только в том, чтобы любить и желать, думать её желаниями, её мыслями, то есть никакой свободы, – вот это счастье!

Мы, развалясь в атласных жилетах, скандируем:

– «Анна Каренина», часть пятая, глава вторая! В курсе!

Принуждённые лакеи послушно пляшут в проходах. Из лож сыпятся конфеты, пирожные в креме и орехи в сахаре. Звук разрываемых кружев и согласный визг повсеместно.

Набугрившегося гения, рванувшего цепь, с натугой заматывают на ворота обратно за кулисы. Рык, звуки борьбы. Выстрел ружья, висящего на сцене. В зал падает чайка. Вносят на блюдах горками сладкие пирожки. Рвем пирожки руками, бросаем на пол. Служители в белых перчатках режут семярусный торт тяжёлыми двуручными лопатками.

Гоголь пытается встать с молотком в руке, Белинский просит у него прощения, возвращая какие-то письма. Рёв Льва Николаевича не стихает.

Входит Достоевский, иконописно смотрит на всех и, не поворачиваясь спиной, уходит. Из кулис разногласно:

– Да ты! и ты! а я право имею!

Мы хлопаем и кричим: «Бис!»

Лицо

Или вот, к примеру, словосочетание «ход мыслей». Какой еще ход? Куда там эти мысли ходят-выходят?

Мысли вколачиваются и торчат столбами. Столбы разные. Есть столбики ещё от ограды детского сада. Есть бетонные надолбы образования, постепенно погружающиеся в трясину. Есть следы попыток высадки штамбовых роз. Поваленного много вкривь и вкось. Раньше-то всё что ни попадя зарывал. Торчат по периметру предковые традиции, всякие там чуры и мокоши. Подгнившие, но крепкие ещё на вид. Над всем этим волшебством луна, а то и не одна. Тихо. Остров Пасхи как он есть, после того как короткоухие островитяне перебили длинноухих. Ходишь между этими развалинами, трогаешь их, вроде как процесс осмысления производишь. Меж столбов перелетает сыч. Вот куда сыч сядет – тут тебе и мысль, вот ты её по сотому разу и обдумываешь. Смотришь на сыча, сыч смотрит на тебя.

Нет, конечно, завозят тебе в голову всякое. Подойдёшь, попинаешь ногами подвезённое. Нет, ребята, это уж я не осилю. Увозите обратно. А вдогонку беспомощно крикнешь ещё: с картинками, с картинками привозите! И краски весёлой!..

Брился утром перед зеркалом. И подумал. Кто делает и изменяет наши лица? Смотришь и видишь, как твою изощрённую душу заслоняет какой-то обжорливый подбородок. Он-то откуда, он-то зачем?! Кто сделал мои глаза, например? Почему в них не так чтобы много цивилизованной терпимости и равнодушной доброты? А больше выслеживания из кустов подходящей по размеру добычи и очень много поразительного бесстыдства. Пудришь лицо книжной пылью, а умнее не кажешься. Засовываешь в уши Моцарта, а слышишь всё равно скрип, лязг и визг охоты.

Так что видишь на себе какие-то деревенские прегрешения, бегство от хозяев, средневековые грехи и каменновековые страхи.

Как на себя ни посмотри – лицо унаследованное. А что там мне могли передать по наследству? Скажем прямо – мало хорошего.

Вывод: побит в поединке своим же лицом.

Лень

Я очень ленивый человек.

Это достоинство у меня с детства. В раннем детстве меня сажали на пол и через два часа находили на том же месте лежащим. Относили в лес, громко говоря встречным, что «идём все вместе! вернёмся вместе! такая мы дружная семья!». Через неделю по приметам обнаруживали меня, уютно приткнувшегося к стволу, меж мощных корней.

Позднее лень моя стала приобретать законченные черты мудрости. Это в третьем классе уже было.

Ленивыми глазами смотрю я на мир. И вижу в этом мире странное.

Если я прихожу с работы и валюсь на диван, чтобы скорее отдаться мудрости, на меня рушится град язвительных упрёков, намёков каких-то, недовольства, небрежно замаскированного в иронию. Вот, мол, полюбуйтесь, каков! Не снять ли вам, батюшка, ботиночки? Уж позвольте! Подушечку взбить ли? И прочее.

И эти же люди недовольны мной, когда я, бодро разбрасывая искры и гудя перегретым паром в котлах, ухаживаю за их подругой, используя весь арсенал подсобных средств, найденных в комнате.

Недовольны мной, когда я так активен! Задорен! И чертовски гибок! Когда я прыгаю барсёнком со стола на люстру и качаюсь на ней, прелестно и зазывно крича на разные голоса.

Люди хотят на меня монополию, что правильно. Но какое-то убежище у меня должно быть, чтобы я мог в нём расстегнуться совсем и упасть на диван. Не могу же я постоянно ишачить в режиме отбойной самопрезентации?

Не хотите, чтобы я валялся на диване, – выкидывайте диван! Тогда начнётся движуха. Где диван? Мы его выбросили! Ты на нем валяешься! Ах, вот как?! Позвольте уж я вас сейчас за волосики, что ли, потаскаю по этажам?! Нет, не хотите?! Где мне теперь валяться?! Жду ответа! Я дверь плечом выбью, не волнуйтесь там! Просто ждите. Скоро увидимся, этаж у нас высокий, к окну бежать странно! И прочее такое...

Не хотите, чтобы я валялся на диване, – носите чёрный корсет с кружевами, бушлат на голое тело, парадоксально танцуйте на столе, не знаю, что и посоветовать ещё. Говорите со мной голосом, хриплым от спирта, мороза и лука. Или иное что. Может быть, виолончель. Спорный вариант, но попробовать-то надо! Мобилизуйте, иными словами. Напрягите силы!..

Последнюю фразу я бурчу уже в подушку. Которая одна не продаст, не унизит.

42

Вот цифра 42, например. Что можно сказать о ней?

Цифра 42 – это, согласно книге «Автостопом по галактике» автора Д. Адамса (1952–2001), «ответ на главный вопрос жизни, вселенной и всего такого».

И одновременно 42 – это сумма очков на двух игральных костях-кубиках. И сумма всех дублей в стандартном наборе домино.

Вижу в этом некоторую закономерность.

В группу «G-20» входят 42 страны.

42 – это номер дома, в котором до пожара находился роддом, в котором я родился перед пожаром. На улице им. Коминтерна (ныне ул. Сергея Радонежского).

Сорок второй размер обуви я ношу.

Сорок второй размер воротника рубашки у меня.

Из мелочей отмечу, что сорок два пророческих месяца, или 1260 земных дней (или лет), будет длиться царство Антихриста на Земле согласно тринадцатой главе «Апокалипсиса».

Тринадцать – это сумма шести и семи. А умножение шести на семь даёт нам что? Сорок два! Размер моей обуви!

Библия Гуттенберга называется «сорокадвухстрочной». Адово изобретение Гуттенберга могло печатать только по 42 строки на печатном листе.

В египетской «Книге мёртвых» перечислено 42 греха, за которые амба.

В сорок второй квартире живёт агент Малдер.

Сорок две секунды горит фитиль на баркасе Верещагина.

И сорок два раза я пытался бросить курить за последние тринадцать лет.

Как всё взаимосвязано в этом мире! Жалко, что не доучился я в католической семинарии на инквизитора. Как бы я мог использовать свои способности на этом поприще, увязывая и уминая доказательства абсолютной и неисправимой греховности любого встречного!

Методика

Продолжаю терзать «Мёртвые души» Н. В. Гоголя. Во-первых, я его люблю. А во-вторых, интересно же.

Затея Чичикова с покупкой формально живых крепостных с целью заклада в опекунский совет по 200 рублей за штуку казалась мне преступно оригинальной и поэтому неотразимой. На уникальности идеи настаивает и известный сюжет, что А. С. Пушкин, подаривший, а отчасти и сам переживший интригу «Ревизора» Гоголю, презентовал Николаю Васильевичу и интригу «Мёртвых душ».

По поводу «Ревизора» Пушкин сокрушался, что подарил. Жене жаловался. Александр Сергеевич бывал иногда удивительно рачительным, особенно в разговорах с женой.

А по поводу «Мёртвых душ» А. С. Пушкин не сокрушался. Не из-за того, что был убит. А из-за того, что идея мутной продажи мутно обрётённого для моей страны – это её хлеб, её сон, её воздух, её мечта, её финансовый хребет и надежда на светлое будущее, её интеллектуальный вклад в Давос. На этой идее бюджет формируется у меня в стране. И идёт её, страны, слава богу, великое возрождение. И электрический свет проводят в село Лопатино, что в 18 км от Самары.

Следите за руками. В черновике шестой, «плюшкинской», главы Гоголь описывает деревню, состоящую из убогих домиков, настолько ветхих, что странно, что такие развалюхи не попали в «Музей древностей», «который не так уж давно продавался в Петербурге с публичного торгового места с вещами, принадлежавшими Петру Первому, на которые, однако ж, покупатели глядели сомнительно».

Чичиков приезжает объегоривать сквалыгу Плюшкина, а при чём тут музей?

А при том. «Музей древностей» – это «Русский музей» Свинына. Павел Петрович Свинын был двоюродным дядей М. Ю. Лермонтова и тестем А. Ф. Писемского, автора романа «Тысяча душ», написанного так, как будто Чичиков переродился и стал вице-губернатором. Этого Павлу Петровичу, наверное, показалось мало, и он обзавёлся ещё одним родственником – пресловутым графом П. А. Клейнмихелем.

Бенкендорф тоже в родственники набивался. Но решили просто дружить.

С такой роднёй заурядностью быть невозможно. Павел Петрович заурядностью и не был. Он был неутомимым собирателем русских древностей и академиком Академии художеств.

И вот тут настала пора рассказать про «трюмо Петра Великого», которое Свинын нашел в Ропше.

В 1820 году Свинын в Ропше обнаружил в каком-то мокром погребе «наваленную кучу из обломков орехового дерева». Ропшинский руководитель г-н Лалаев, поднятый по тревоге, сообщил «после долгих раздумий», что обнаруженная куча – это «трюмо работы Петра Первого».

Я могу понять г-на Лалаева. Я тоже всегда отвечаю, что обнаруженная у меня на дворе куча – это проделки пса Савелия Парменыча. Его-то ругать не будут, а на меня закономерных подозрений будет возведено меньше.

Кучу обломков Свинын увёз в Петербург. Г-н Лалаев провожал исследователя до заставы и благодарил. Дальше Свинын позвал на восстановление трюмо работы Петра Первого столяра иностранного («кичливого француза») по фамилии Гроссе. Гроссе посмотрел на «грудю священных обломков» (по определению самого Свинына) и от работы отказался, сославшись на невозможность восстановления «эдакой дряни» (определение самого Свинына).

Павел Петрович огорчился. Но вспомнил, прихлопнувши себя по лбу, про «русского мастера Василия Захарова».

Василий Захаров немедленно приступил к работе. Более недели он прикидывал, «как истинный россиянин, не приходящий ни от чего в затруднение», как, куда и что тут из груды священных обломков взаимно прилагается и совокупно лепится. Свиныну, который прибежал справляться, Василий бодро рапортовал, что «отгадывает форму, которую сии святые щепы имели, выйдя из-под руки державного мастера».

Через неделю Павел Петрович Свинын съездил сначала в Академию художеств, пошуршал с обучающимися художниками, а потом снова зашел к Василию. И произошло чудо!

«Внезапно мы дошли, – пишет потрясённый Свинын, – до первоначального его (трюмо) образования и увидели изящнейшую форму!» Мастер угадывания форм Василий стоял рядом и тоже благоговел, потрясённый не менее. За спинами у них стоял ангел, укрыв белоснежными крылами свои глаза. Наверное, плакал от счастья тоже.

От бордюра, который когда-то обрамлял зеркало, в распоряжении компаньонов были обломки максимальной шириной в вершок. Но «мой смыслёный предприимчивый Захаров, – пишет Павел Петрович, – не убоился сего и взялся всё исправить». В итоге кипучей взаимопомощи академика и столяра подлинное трюмо работы Петра Великого, святые щепы и священные обломки, совокупно объединённые святым прозрением и дополненные подручными материалами, найденными в иных подвалах, стали за деньги показывать всем желающим. А потом решили продать в казну.

Тут в дело зачем-то стал вмешиваться г-н Лалаев, но его утихомирили некоторыми доводами, присовокупив на прощание и маршрутную карту следования на побережье студёного Охотского моря.

Трюмо Петра Великого Свинын продал в казну вместе с другими реликвиями («обломком инструмента музыкального Петра Великого», «частью токарного станка Петра Великого» и «частью челюсти, прооперированной Петром Великим»).

А куда казне деваться? Казна купила. Свинын устроил аукцион «в Космораме г-на Палацци на углу Большой Морской и Кирпичного переулка». Нанятый оркестр играл государственный гимн. При дверях стоял караул с ружьями. Флаги реяли по ветру.

Павел Петрович провёл решительную рекламную кампанию. И взывал публично к государству, обрушиваясь на заевшееся барство, «которое торгуется из-за каких-то трёхсот рублей, проев и пропив перед этим у Смурова на пятьсот!». Казна прислала какого-то подъячего для экспертизы. Граф Уваров (министр просвещения) вякал что-то про необходимость проверки подлинности рукописей шестнадцатого века, которые Свинын продавал там же. Пушкин что-то сомневался и ёрничал. Но подъячему, сказав предварительно и дословно: «Доказательства не продаются», вручили некоторые доводы, присовокупив печальный рассказ про г-на Лалаева. Подлинность была доказана!

Николай Васильевич Гоголь в это время жил на Малой Морской улице, неподалёку от заведения г-на Палацци, и на аукцион заходил неоднократно. И со Свиныным был отлично знаком. Ведь писал же Н. В. Гоголь своей маме: «Мама, пришлите же мне раритеты для одного вельможи, страстного любителя отечественных древностей, которому я хочу прислужиться» (письмо от 2 февраля 1830 года). Вероятно, мама изыскала на своём хуторе раритеты, но Н. В. Гоголь больше об их судьбе ничего не пишет. Наверное, купила их казна заодно с трюмо Петра Великого. И из шестой главы Гоголь пассаж про музей решительно вычеркнул. Чего там старое ворошить?

Поэтому версию, что идею «Мёртвых душ» подсказал Пушкин, Гоголь не отрицал, а напротив. Пушкин придумал всё! Пушкин, господа! Пушкин!

Опущение

Какое счастье, какое облегчение испытывает заплаканная женщина, когда понимает, стоя у зеркала, что не морщины это у неё на лице, а следы от чужих вельветовых штанов, на которых она так качественно выпалась у бассейна.

Это не встреча сокурсников была, а какой-то, исусиоборони, панкратион...

Откуда у людей столько прыти, хотелось бы мне узнать?! Откуда столько жизнелюбия? Ходили буквально по краю!

Обратил внимание на тенденцию, начавшую распространяться среди моих знакомых. Опущение – имя ей. Но какое-то странное это опущение.

Я могу понять и принять ситуацию, когда мы, босые, в домотканой простоте, идём дымчатым утром, шумно грызя репчатые луковицы, по росной траве на покос, неся на плечах умело оббитые литовки. Бабы наши шустрят перед немцем-управляющим, привставшим в бдительности на дутом тарантасе, поют, сгребая в тугие лохматые увязки снопы, носят нам квасы всяческие в щербатых крынках, счастливо охнув порой, утицами ныряют в рожь – рожать и пуповину перекусывать под тяжкий шмелиный гул.

Или вот мы, поскидавши тесноватые пиджаки, враскачку бичевой идём, тянем хлебную баржу, оступаясь в рыхлом, с прозеленью, волжском песке. Ой-да-да-ой-да! Распляли-ы-ы мы-ы бярозу, распляли-ы-ы мы кудряву! От-наддай! От-наддай! А на барже самоваром вскипает богатей, лается и бесчестит наше общество... Знай себе бреди, надрывая жилы, член правления!

Такое вот я могу понять в плане возврата к естественности. Закинул айфон в соминый омут, неловко подпрыгивая на одной ноге, стянул с себя ботиночки с капризной перфорацией, рванул махом с шеи галстук, и вон уже бежишь, счастливо хлопая себя по мускулистому телу, к свиноферме, где ждёт тебя новая жизнь. Крутенько присолил крупной солью горбушку аржаную, увязал в тряпицу, идёшь на конюшню баловать Заседателя.

А тут со знакомыми творится не пойми что...

Третьего дня сломалась у меня кофейная машина. Полагаю, что от натуги изошлась. Полюбовался на умершую любимицу (см. блоковское «красивая и молодая»), упал лицом в ладони.

По дому залязгали запоры, застукали ставенки, кто-то счастливо спрыгнул со второго этажа – и зигзагом к забору. Всем известно, что без дозы кофеина по утрам я особенно как-то взыскателен к окружающему миру, начинаю в тягостной ломке задавать всякие неожиданные вопросы, гоняюсь со счётами по помещениям, наматывая на свободный кулак чьи-то русые тугие косы и наступая на кальсонные завязки.

Реанимация кофейной машины ни к чему не привела. Хотя был момент, когда казалось, что всё, заработала, судя по нутряному хрусту и вспыхиванию индикаторов. Ан нет!

В полном обалдении пошёл по гостям, вымаливать себе кофейку. Для того, чтобы пустили, лицемерно улыбался, а бидон прятал за спину, вроде как просто соскучился по общению.

В одном доме меня всё ж пустили.

Играя бровями, выразительно подтолкнул хозяйку на кухню, та аж обмерла. После трудного объяснения недовольная хозяйшшка шваркнула передо мной чашку с капучино, к которой я жадно и припал, суча под столом ногами.

Между первой и второй прибежал и хозяин. Говорит:

– Давай я тебе новый гастрономический фокус покажу!

Спихивая хозяйку с колен, говорю весьма бесшабашно:

– А что, час ранний, до больницы не очень далеко. Показывай свой гастрономический фокус!

И протягивают мне тут стакан воды из-под крана. Запивай, мол, наше капучино этой известняковой степной водой с огромным индексом жёсткости, испытаешь удовольствие! Только не перепутай: сначала приторный капучино, а потом вот эту белесоватую воду, которая всё оттенит и подчеркнёт, а иначе, если водицей кофий обгонишь, то может и вывернуть с непривычки.

– И давно вы тут этим занимаетесь? – строго спрашиваю. – Давно вы тут забавам таким отдаётесь?! – А сам к двери, там у них в коридоре я топор видел.

– Давно! – отвечают. – Это нас в Риме научили! Мы теперь к простоте тянемся, к нахождению нового в неожиданном!..

– Вы это... – говорю. – Совсем уж тут!..

Не сразу нашёлся, что сказать. А когда нашёлся и рот уж раскрыл, то понял, что бреду по раскалённой поселковой улице, загребая ногами пухлую пыль.

Сволочи какие! Хорошо, что я у них молочник в суете увёл.

Симпозиум

Принимал посильное участие в научном симпозиуме.

Обычно я принимаю участие в симпозиумах в качестве капризного наглядного пособия. Сажу на столе, болтаю ногами и лучисто гляжу на собравшихся бездонной синью своих смыслённых глаз. Иногда просят посчитать до десяти, попрыгать, сложить несложный пазл. Когда я случайно угадываю последовательность чисел, прыгаю без судорог и пены и заколачиваю последний пазл кулаком, все радуются, хлопают друг друга по спинам и обнимаются. Иногда даже качают на руках самого старенького и взопревшего.

А тут принял участие практически как равный среди равных.

Поскольку так называемой наукой я не занимаюсь уже изрядное количество времени, было очень интересно. Проще говоря, десятилетия паутинного забвения в чулане не прошли для меня даром. Только я начинал как-то понимать, о чём идёт речь, только я открывал рот для изречения (*изречения!*), а с трибуны слышалось, что вот то, что я только собирался произнести, давно уже отвергнуто, давно вызывает смех, и двоих доцентов уже повесили за это дело в университете города Назрани по приговору шариатского суда.

Концепция Козюлькина отмечена. Книга В. Протезина изъята из библиотек. Расчёты Тер-Погосяна оказались расчётами его дяди Гамлета и не оправдались. Экспедиция Слёзкина пропала совершенно, видели, правда, самого Слёзкина, но только на экране радара, над Аризоной и всего две секунды. Да и с назранскими доцентами не всё гладко прошло, хотя и надеялись. Прикладная кафедра теперь прячется в горах от кафедры теоретической. Ректорат в растяжках. Семь кандидатов искусствоведения в заложниках сидят в Ньютон-кале.

Все козыри оказались выбиты из моих рук. В активе только замшевые ботинки и мания величия.

И всё!

Чувствовал себя голым, ей-богу. Голым и растерянным.

Первый раз подумал, что случайность, старик, случайность! Не беда! Паника, прочь! Попей воды, ободришь, и снова в полёт! Сейчас ты им врежешь!..

Второй раз я уже совсем было расправил крыла и даже азартно попрыгал, как стервятник какой на ветке, готовясь к пикированию. Срезали очередь на взлёте! Едва дотянул до аэродрома, захлёбываясь и дымя мотором.

После перерыва решил не рыпаться, разулся, распахнул халат и размышлял под учёный гул на крайне интересную тему. Вот третий размер, например, это размер груди или бюстгальтера? И в чём измеряются эти размеры? Или это чистая визуализация?

Расплата

Утром мне позвонил женский голос.

Указывал я уже, и читали про то помятые дьячки с крыльца распевно и с соблюдением, что не люблю я, когда мне звонят вообще, а тем более по утрам. Когда я, весь в тягостных думах, сижу с одиноким носком в руке посреди зеркал, куафёров, растерянных, выигранных недавно негрятят. Сажу я в пудромантилье, на досадном кресле, поражённый собственным утренним несовершенством и скудостью возможностей. Всё равно как убитый недавно случившимся электричеством академик Рихман, коего даже чудотворные слёзы друга, «тож академика» Ломоносова, вокресить не смогли...

А тут звонок!

– Халлоу... – говорю чувственным своим баритоном. – Чё звоним по людям? Чё хотим услышать?

Из трубки же донеслось мелодичное:

– Вас из библиотеки беспокоят! Вы...

Тут я сразу трубку на рычаг положил. И желваками поиграл.

Добрались они до меня, добрались...

Глухомань

Ездил в глухомань опять.

В глухомани не протолкнуться, понятное дело. Все хотят в глухомани с собачками гулять и не бояться.

Зайди за мусорный бак в городском дворе. В центре. Ни-ко-го. Пой, пляши, веселись – пустыня за мусорным баком. Заверни за угол дома – вымерло всё уснувшее.

А в глухомань зайди – Пикадилли. Не рыбаки, так грибники. Не грибники, так пикники. Не пикники, так собачники. Не собачники, так молись, что этот дядя, бегущий за тобой с таким топором, в таком плаще и с таким взглядом, – Александр Сергеевич Пушкин, пиит известнейший, тончайший лирик.

В городе выбежишь в одной накинутой простыне из подъезда – никому не интересно, пару раз лениво сфотографируют, и это почётный максимум. Хотя и зима, и простыня, а ты генерал полиции и к тому же блондинка скандинавского типа. Все пресыщены.

В глухомани просто скинешь ватник на траву, достанешь простыню – по зарослям негодующие вскрики и адский испуг. Тётка в резиновой шапке лицом вниз всем телом с векового ясеня молча – хлоп! В кустах – бегство, крики, предостерегающий мат, щелканье курков. Из дупла – тонкий девичий вой.

Обрыв. Под обрывом – омут. Сомы по три метра на дне брёвнами вповалку лежат. Вспоминают, как жрали монахов в XVIII веке. Обрыв – грязь и мокрая трава.

Пошёл к обрыву. Из-под обрыва – ор: не ходите сюда, мы переодеваемся!

– В кого?! – ору в ответ. – В кого вы там, глядь, переодеваетесь?! Там десять метров полёта и коряги из воды колами торчат! В кого вы там переодеваетесь?!

Отошёл от обрыва – лицом в паутину. Поляна. На поляне люди в шафрановом сидят и ноют с колокольчиками. Капает сверху. Поныл тоже. Мимо бабка с ножом деловито прошла. Рядом суют собачку. В брезентовую трубу, что ли? А в трубе кто-то сидит и собачку ждёт активно. А собачка не очень хочет в трубу, но она такса и поэтому выбора нет. Ногами сучит, хвостом можно доску пробить, уши забросила. Готова! Господа, я готова!

Снова бабка с ножом, но куртка другая и на башке пакет ашановский от сырости.

В городе если и глазают, то чтобы рассказать. А кому рассказывать? А некому. Поэтому хэштеги и лекарство горстями.

В глухомани глазают, чтобы самим не участвовать. Это тонкость важная.

Опустошенцы

У нас в компании закадычной двое есть моральных опустошенцев. И-н и я.

Мы с И-ным постоянно находимся в женатом состоянии. Кажется, что как только принесли нас из роддома, так сразу подложили нам в кровати каких-то сморщенных новорождённых баб, проштамповали нам пелёнки, внесли посильные записи в тяжёлые книги, а потом сели вкусно и весело выпивать за счастье недовольных молодых.

Не буду утверждать, что не бросал из люльки соблазнительных взглядов на сторону.

Может быть, «честным пирком да за свадебку» произошло с нами чуть позже. Я не помню! Может, ехал я к себе в апартаменты на дутых шинах с собрания октябрютской звёздочки, и тут меня, молодого лорда Фаунтлероя, подманили к какой-нибудь злобной от девиц тоски ровеснице раскрошенной печенькой и оженнили.

Что там говорить? Неженатым я себя не помню. Причина проста: без штемпселя в паспорте мне решительно не давали. А я азартен. Поэтому не успевал я развестись с какой-то очередной женой, а уже новая жена, мasha зонтом, въезжала в имение, тяжело прыгая с рессорной брички на тучные покосы. Не успевал я проводить лакированными сапогами предыдущую принцессу Грёзу, а новая царица Ночи тут как тут – в фате крепко сидит на лавке и смотрит на меня с некоторым вызовом, который я долгое время принимал не за спорт, а за чувство.

Ладно ещё, что нагребил я по персиянским брегам столько, что пока хватает на многое и многих. Рукой махнул, давай, ору в припадке, всех из города сюда привозите, раз такое дело! На всех, тать, женюсь по разумной очередности!

Иной раз выскочу в исподнем на крыльцо и, поклонившись перед зрителями на три стороны, начну неистовствовать и кукишем тыкать, при этом приговаривая такие выговорки, что самому бывает даже совестно потом.

И если я являюсь продуктом развращённости, то И-н – романтик чистейшей воды. Оттого страдает, в отличие от меня, безвинно. Всё ищет созвучную душу.

Последняя его находка – девушка, укравшая у него почерк. Честное слово! Украла роспись и столько всего надписала, что даже смотреть теперь на И-на как-то неохота.

Охота

Вечером уезжаю на охоту.

Буду с грустным лицом ловить доверчивых девиц и с весёлым лицом буду ловить недоверчивых животных. Потом, ближе к ночи, обниму свою плеть, свитую из кож поэтов и прозаиков нашего пограничного с южными варварами уезда, и буду смотреть в квадратный пруд, усеянный круглыми черепаховыми островками.

Вновь буду переживать чувство государственной нежности и собственного бессилия.

Снова и снова подают вокруг меня челобитные об упадке народной нравственности и школьного образования. Сорок тысяч учителей вышли на площадь перед уездным судом и, плача слезами, встали на колени. Стали крутить над своими головами зонтики с вышитыми на них правилами и лозунгами и бить поклоны перед мозаичным черепом Народного Просвещения. Наемные арбалетчики, опасаясь бунта мудрецов, рассредоточились на полусогнутых по крышам соседних с управой зданий. Я в это время пил полуденный чай в своём выгнутом углами золотом присутствии и обратился к своим друзьям, подозреваемым в богатстве, облокотясь о лаковый столбик цвета киновари:

– Велите их топтать конями, господа!

Потому как в последнее время томим ощущением собственного невежества.

Вот выезжаю я в свое имение и ничего о нём не знаю. Самый распоследний дядя Толя, неволей удерживаемый в разуме, на грани похмелья и белого водочного безумия, знает о лесе больше, чем я. Знает названия деревьев хотя бы, которые жарко обнимает по дороге к дому. Я же, выходя из загородного дома, крепко стоящего на спинах трёх земных и семи водных драконов, чувствую себя бессильным, словно очутился в каком-нибудь трансваале. Иду в лес – не знаю названий деревьев, иду в сад – кроме яблонь опознать могу разве что пихту. Чем удобрять, когда обрезать? Каково направление спила? Чем замазывать?..

Подхожу к своим фашистским собакам в вольере и тут понимаю, что если бы не специальная девушка-собачатница, то мои немецко-фашистки померли бы или с голодухи, или от обжорства. Не говоря уже про чистку ушей и всяких там желез под хвостом. А девушка-собачатница всё это знает и умеет ещё глистов выводить, ей легко будет семью свою построить.

В доме котлы какие-то, манометры, тумблеры, трубы... Обхожу всю эту «Аврору» стороной.

Завёлся где-то жучок в стенах. С умным видом ходил за спецами, тоже стучал по стенам и кивал со значением. Стыдно же.

Тот же дядя Толя. Ведь если с ним не говорить о политике, то ответы его вняты, точны и корректны, а суждения здравы. Он как зеркальное отображение моих кафедральных знакомых, которые здравы только в политике, а в остальном как-то так.

А всё это происходит от имитации сельской жизни. Когда зарабатываешь в городе и зависишь от городских упырей, времени и желаний на поклонение богам сельской округи уже нет. А все эти сельские божества мстят нам, городским. Насылают на нас сон выходного дня, например. Это типичное аграрное проклятие. Когда только приехал в имение и рот раскрыл с желанием, наблюдая разгрузку женского хора, только чихнул от их перьев, а глаза раскрываешь – уже утро понедельника, идёт дождь и ты в одном носке стоишь на чужом огороде, поджимая дарованное природой под спокойным взглядом внимательного соседского козла.

На меня сельские хтонии насылают ещё природную тупость. А другие жрут.

Недоразумение

Был сегодня в центре города на заседании совета директоров. Решил пройтись пешком и, кутаясь в пальто, ловил языком снежинки.

Не догадался, что в сквере у оперного театра это смотрелось неким знаком для балетоманов.

Произнёс фразу «Нет-нет, спасибо, я к невесте!» пять раз за пять секунд с разными интонациями.

К балету у меня отношение сложное.

Я часто ною. Щедрые люди не ноют, кстати. Ноют исключительно жадные люди. Они с котомкой своего закрытого сала сидят и ноют. Нытьё – это страх потерять.

Ной заразителен. Человек ноет, чтобы все вокруг ныли. Ему и помощь не нужна, кстати. Ему надо, чтобы ныли все рядом. Когда все ноют, то не до сала в котомке. Трудно отбирать сало и ныть одновременно.

Поэтому все должны ныть.

Камчадалы во время сезонных кочёвок считают нытьё заразной болезнью. Лечат подручными средствами. Заставляют плясать.

Городские думают, что танец для камчадала – это состояние естественное. Это не так. Во время трансового танца (а танец у камчадала всегда трансовый) подошва традиционной обуви стирается за три часа. Дальше человек танцует в своей крови на острых камешках. Потом такому танцору ноги присыпают золой и уезжают. Нагоняет танцор товарищей уже немного другим человеком.

Балетоманы слушали мой рассказ с прелестным изумлением.

Больничка

Вернулся из больницы.

Чуть не отодрал к чёрту входную дверь. А потом чуть не обрушил балкон, захлопывая многострадальную дверь. А потом, шумно вода боками, пил холодную воду и велел ещё из кадки липовой мне на голову её лить.

Потому как немного расстроен посещением клиники «Медгард». Название которой, как и полагается, удачно рифмуется с «ад» и «исподлобья взгляд».

У меня заболело плечо. Причём заболело так, что спать я стал в перерывах между поворотами в кровати. А так как из-за нечистой совести и богатой фантазии сплю я беспокойно, ворочаюсь, всхлипываю и причитаю, то и плечо по ночам не скучает. Только повернусь – и уже резкая боль, вот я и просыпаюсь. И не могу сказать, что, проснувшись, я радуюсь и улыбаюсь. Нет, скорее, я шиплю сквозь зубы и негромко, с чувством употребляю разнообразные слова и их причудливые сочетания, не ожидаемые многими от меня в три часа пополудни.

Многие утром смотрят на меня с лёгким недоумением и даже испугом. Как же так, как бы спрашивают меня недоуменные бездонные глаза, ведь позиционировался ты совсем недавно как немолодой, но brave ещё интеллект, как интеллигент с выправкой и возможностями, которые трудно скрыть. Предъявлял собой на ярмарке провинциальных женихов фигуру пусть не вполне желанную, но отличную от того стада, что бесновалось в пивном загоне...

А тут что же выходит?! На что ж мне теперь рассчитывать, девушке из столицы, если, мол, мат твой по ночам стоит такой, что в кубрике на барже матросик с верхней коечки на боцмана упал, и живут с той поры два котиколова всем на зависть! Я к такому не привыкла, я из семьи профессорской с немецкими корнями! И прочее...

Истошная женская красота делает меня беспомощным. Так бы я терпеть мог ещё долго. Тем более что обезболивающие лекарства щедро дарят мне и свежесть восприятия мира, и лёгкость общения. И неуловимое обаяние порока. Взойдётся к себе в кабинет, горсть опрокинешь в пасть и с хаусовской лёгкостью начинаешь работу с персоналом.

А так утром меня нарядили в праздничное пальто, надели шапочку с помпоном, варежки проделали на резинках через рукава, препоясали ремнём с пряжкой и сунули в карман записку с домашним адресом, именем и телефоном. Шмыгая носом, сжал в руке краюшку хлеба с крупнопомольной солью, сел в автомобиль и поехал, гордо подпрыгивая на заднем сиденье, в больничку.

Больницу выбирали самую хорошую, то есть, понятное дело, дорогостоящую. Поэтому дали мне с собой денег в платке. И наставление о том, как деньги те с умом тратить и честь свою при этом не потерять.

Подъехали к «Медгарду». По поводу этого названия ещё пошучу, конечно. Начну прямо сейчас, и некоторые меня поймут. Подъехали к «Assguard»'у. Подъезд сопровожждён уместным шлагбаумом, и при шлагбауме стоят несколько мордастеньких. Лица очень симпатичные, прохладного брейгелевского письма. За въезд в чертоги медицинского всеобщего спасения попросили денег. Я подумал, что странновато это, наверное, деньги брать за въезд на больничную территорию, которая на самом деле, скорее всего, просто кусок общественной муниципальной земли, обнесённый невысоким забором, ну да ладно. Отдал горсть мелочи из окна.

В регистратуре спрашивают паспорт. Меня эта просьба несколько удивила. Даже стал спрашивать:

– А зачем вам мои паспортные данные? Денег я принёс – хотите, пересчитайте, вдруг не хватит?! Паспорт-то для чего? А если у меня гонорея?! – Это я специально громко спросил, чтобы на меня все посмотрели – очень я был сегодня красивый. – Или вдруг к вам дочка чья-нибудь придёт для абортации – вы тоже спрашиваете паспорт?! Вы же коммерческое учрежде-

ние, оказывате за деньги медицинскую помощь. В ресторане паспорт у меня не спрашивают. В университете не спрашивают паспорт. Не спрашивают у меня паспорт и в прочих учреждениях. Зачем вам? Ответьте, молю... Или давайте устроим перекрёстную проверку документов! Я же вас совсем не знаю, хотя уже очарован и смят...

Вместо ответа протянули договор – зелёный на белом. Попросили расписаться в договоре.

Понятно, что боль в плече толкает и на бóльшие безрассудства. Подписал я договор размером с акт о безоговорочной капитуляции не читая. Хрен его знает, что делают с теми, кто не согласен с пунктом, например, 12.9 или 19.5? Может, вносят изменения в договор, а может, гонят взащей и смеются, стоя на крыльце, над хромающим по дороге занудой.

Подписал, короче. Только моноклем сверкнул и щекой аристократично дёрнул. Тут мне и паспорт вернули, переписав из него забытый мной адрес прописки и повздыхав слабо над моей паспортной фотокарточкой. Я на ней сижу верхом на буланом Сиваше (сыне Свияша и Вешенки) с обнажённой саблей и в полуметровых усах. Очень старался – всем моя фотокарточка на паспорт нравится.

Тут же, не успел я подписать договор, попросили вежливо ещё денег. Больше, чем за въезд на территорию, но терпимо: за консультацию – 750 рублей. И подчеркнули голосом, что это только для начала.

Сбегали за сдачей. Недолго отсутствовали. Верно, есть куда сбегать разменять.

Скинул праздничное зелёное пальто с лисьим воротником, запихнул в рукав шапку с помпоном, содрал с себя варежки и, прыгая через две ступеньки, кинулся лечиться. Но перед этим решил попить кофе из красиво расставленных кофейных аппаратов.

Подхожу к одному из аппаратов, широко улыбаясь. Это происходит не от моего природного добродушия, как думают некоторые, а строго от моего отношения к природе вещей. Ко всему, чей принцип действия мне не понятен, особенно к тому, внутри чего бушует электричество и кипиток, взнузданный паром, я подхожу с деликатностью и коварством. Рукой нащупываю рубильник на спине, а другой рукой глажу по лицу агрегата, спускаясь плавно к кнопкам, и внезапно целую прорезь для принятия купюр. Или что там есть ещё, не всегда могу подобрать название. К розетке же проскальзываю боком, как бы случайно, а потом в прыжке всовываю в неё приготовленный и трепещущий в руке штепсель.

С микроволновкой отношения сложные. Как с капризной, но доступной соседкой-выпивашкой. Пользуюсь, но жду подвоха. Телевизор я смазываю барсучьим жиром и танцую перед ним. За это он мне показывает новости из Судана, судя по простыням, развешенным в студии за двумя истерически орущими дикторами в полосатых накидках на голое тело.

А кофейный аппарат – это как английский гвардеец на посту. Огромное желание дать пинка или всунуть ему что-нибудь инородное под шапку. Однако люди кругом, и вообще...

Вот так я отношусь к кофейным аппаратам. Достаю двадцать целковых из пропотевшего кармана – заказать хочу капучино. Только из-за названия. А меня сестра в моркового цвета ансамбле останавливает. Весело кричит через весь коридор:

– Вы в него денег не суйте! Он деньги берёт, а кофе не даёт!

Такая добряшка! Так смеётся! Как Вешенка – мать Сиваша, жена Свияша.

Это хорошо, что я ей понравился, а то могла бы и смолчать. Что ей до меня? Аппарат ведь стоит, приветливо помаргивая включёнными лампами, заманивает больных лохов. Так ведь гораздо интереснее: деньги брать, а давать кофе – шиш. Почему не выключили, почему не вывесили кривенькое объявление – тоже понятно. Если за парковку у больницы брать деньги, за первоначальный приём тоже, чего ж не попользоваться народной трудовой копеечкой за бесплодные ожидания кофе?..

Кабинет врача на втором этаже. Между стоматологией и родильным отделением. Из родильного отделения при звуках моих скачков вылезло несколько разнообразных женских

лиц. Из числа тех, наверное, кто вовремя паспорт не показал или не спросил, не знаю. Кто не отказал своевременно, вот!

В ожидании врача сидел рядом с двумя сутуленькими и одним откровенно горбатым. Вот ведь как, думал я, складывается человеческая жизнь. Долгие годы лепишь из себя образ победителя и всестороннего гения, а потом звонят тебе: «Мы из клиники современной эстетической медицины! Не могли бы срочно подъехать к нам?» Подъезжаешь, выпиваешь чаю, а просыпаешься уже в румынских Карпатах, на проволоке под куполом замковой церкви, с огромным носом и взрезанным от уха до уха ртом.

Я люблю иногда пофантазировать на эту тему. Особенно в такие минуты, когда ты сидишь на одной скамейке с горбатыми, а на тебя смотрят через стекло беременные.

Продолжая мысленно пробираться мокрыми горными тропами к Бухаресту, отбиваясь от волков горящим поленом, болтал ногами и приветливо смотрел по сторонам. Сосед слева, тот, который горбатенький, листал журнал, остановился на статье «Позы, необходимые для зачатия» и повернулся ко мне с некоторой даже обидой. Как мне показалось.

Продолжая болтать ногами, притворился глубоко спящим и немного похрапел для убедительности. Всё ж я хитрый парень, да. Лис этакой.

А тут и врач вызывает меня, молча открыв двери. Я люблю, когда так. Без лишних слов и суеты, без грохота дежурных фраз. Хорошо: дверь открылась, ты зашёл, дверь закрылась, врач поднимает бровь, ты скидаешь с себя заскорузлые галифе, врач поднимает вторую бровь – всё! Дверь хлоп-хлоп! Ис-це-лён! Ис-це-лён! С трёхлитровой банкой ртутной мази бежишь в расположение части, только уши пунцовеют от радости: столько внимания тебе, уважения столько! А то взяли моду – трендеть с пациентами. Паспорт переписали, 750 рублей на кассу занёс – сиди, входи в любую открывшуюся дверь. За каждой тебя ждёт избавление от мук, душ и присыпка.

Захожу в кабинет. Не сказать, чтобы роскошь меня в этом кабинете окружила. Скорее спартанский дух и самоотречение, нежели нега и довольство.

– На что жалуетесь? – слышу вопрос.

Отвечать-то как, думаю, с причитаниями и тонким воем или деловито, рубая стол ребром ладони?

Отвечаю, что так, мол, и так, две судимости, по ранению представлен к снятию, плечо вот, поднять не могу, опустить тоже, постоянно ожидание боли сводит на нет медикаментозные попытки вернуть меня в мир добрых людей и пр. Всю правду рассказываю.

– Раздевайтесь! – команда.

Ну, я, худо-бедно, вроде как под музыку начинаю раздеваться, стараясь выгодней, выигрышней смотреться при свете дня на фоне салатовых стен. Цвет стен вообще очень удачно выбран. На фоне такой покраски любой кажется бесконечно далёким от счастья. Но я не унываю, напеваю себе, продолжаю раздеваться, вытаскиваю из-за ремня свитер, он в брюки у меня заправлен всегда удачно, комков почти не бывает. Парам-да-да-дам-парам...

Обычно в меня влюбляются немолодые, не очень здоровые женщины с тяжёлым характером.

Очень много среди них женщин с трудной биографией, в которой по трассе идут ночью грузовики-большегрузы с окатышем, бьются волны о гранит японских береговых укреплений на Сахалине, армяне – начальники базы, дети, арестованные за кражу сестры, парализованная бабушка за ситцевой занавеской ждёт своей отправки в Казань с билетом в вставных зубах, слегка придавленная чемоданом, на котором в такт слабому ее дыханию качаются поллитровочка, стаканчики и чья-то русая есенинская голова.

У некоторых таких женщин есть мужья – поэты или научные работники средней руки. Женщины эти влюблённо и тяжело смотрят на меня, пишут стихи и хотят жениться.

Эта ситуация кажется мне несколько несправедливой.

Вокруг меня происходят удивительные вещи: студентки-миллионщицы уходят за плешивыми старшими преподавателями в коммунальные квартиры. Модели верхней женской одежды отказываются от благ жизни на Остоженке и безвольно бредут, скользя на подгибающихся от нежности ногах, за сноровистым дедушкой-гэтэошником в синем тренировочном костюме с надписью «Спортивное общество „Пищевик“». Какие-то перспективные бизнес-леди в притворно-деловых нарядах под музыку фотографируют себя на телефоны для отправки MMS в посёлок Сусуман, в отряд № 4, идущему на УДО Корбузякину Илье Михайловичу.

А в центре всего этого логичного, выстроенного немецкой классической философией мира стою я.

Перед рентгенологом. В которой начинает закипать ко мне чувство...

В чертоги принцессы Радиации я попал после всестороннего осмотра у травматолога-ортопеда. Подробный осмотр меня занял у квалифицированного медика ровно две минуты. Это вместе с моим раздеванием и принятием рекомендованных пластических поз. Поз было две. Первую позу я назвал «Нет, я не приму эту жертву!», вторая поза, в которой я застыл, звеня напряжёнными нервами, теперь называется «Стремление к несбыточному».

Пока я, шипя сквозь зубы, продевал больную руку в рукава кацавейки, доктор выписал мне направление к рентгенологу.

К которому я и направился.

Дверь у рентгенолога была хорошая – железо, глазок. Всё так, как я люблю.

Рядом с дверью, на которой знак опасности, прикручен крепко ящик для приема пожертвований, икона, лампада. Подергал ящик, подергал замок на ящике, пытался заглянуть в прорезь. Доверие покинуло наш мир, в который раз убеждаюсь. Палец застрял в ящичной прорези. Проктолог из меня никакой, судя по всему.

Судорожно выдергивал, улыбаясь по сторонам.

Кругом античный мир – много гипса и страдающих лиц.

Следопыт

Проснулся от сдавленных визгов.

Нет лучшего воспитателя для семилетней девочки, чем шестилетняя девочка или наша домоправительница Татьяна.

Я очень люблю нашу домоправительницу. Она принадлежит в редкому типу женщин. Такие женщины, например, носят шляпы, красиво курят и наряжаются перед приездом пожарных. Они бы для пожарных ещё и танцевали. Но в вихре искр и истошном вое погорельцев для пожарных танцую я. Танго «Пепел страсти».

Из-за предпраздничного бардака в доме накидано повсюду огромное количество всяких вредных сладостей. Разных. Конфеты такие, и такие, и такие. Местные сладости тут же валяются – там, чистый сахар, орехи и какая-то халвообразная ересь в бумажке. Фасованный диабет. Лежит ещё шоколад – простой и кондитерский. Кондитерский шоколад – в толстенных плитках. Невозможно крепких. Его надо, по логике, растапливать и поливать какие-то кексы и пудинги.

Ни разу не видал шоколадной глазури у себя за столом. Ни разу.

Неутомимые погрызы, обломки, крошки, куски фольги.

В детстве читал про следопытов. Они по следам на снегу рассказывали детям, что «вот заяц пробежал, вот след куропатки, а вот и лисичка тянет свою ниточку по белой странице лесной книги». Я с этим шоколадом стал зубопытом. Наклон погрыза, плоскость откуса, отпечаток резца. Тут скол под углом, а тут вонзали нижние клыки, а потом башкой вверх, а плитку пальцами вниз. Глаза к небу, мольба, чтобы ничего не поломать, и шоколадные слюни по уголкам рта. Остановиться-то невозможно. Караваджо.

А это кто тут так мелко обкусал? Торопился кто-то... Ого! А этот бивень мне знаком! Фольгу вмял, шоколадная лёжка матёрого самца-сластееда. Все характеры как на ладони.

Один работает как бобр: обточка шоколадной плиты основательная и всесторонняя, дуга обкусов ровная, ширина – три пальца, тип резца «лопаточный», выемка с тыльной стороны, азиатские гены, проворен, уверен.

Другая же грызла, стыдась. Обгрызы чуть истеричны. Грызла и каялась. Ночная работа. Крошки на полу.

А этот руками ломал – самый опасный. Крошил пальцами толстенную плитку. Самодоволен.

Утром домоправительница Татьяна решила не дожидаться, что мы её покормим, и спустилась на кухню приготовить нам кашу. Заодно, наверное, посмотреть, нет ли где пожара?

Застала Е. Г. Шемякину. Нашего неутомимого грызуна.

Началась педагогика.

Застал финал. Татьяна с коробкой шоколадных конфет стоит над нашим сокровищем. Говорит:

– Ешь, Лиза, сколько хочешь. Пока не станет тебе СТЫДНО!

Лиза жуёт, а сама складывает конфеты себе в пижаму. Оттопырила полу, и туда. По одной. Демонстрация.

Увидела меня. И совершенно староверским голосом, с твердостью протопопа Аввакума, говорит раздельно:

– По-ка не стыд-но!

Это в ней бабушка моя проснулась. Безжалостная голубизна глаз и сталь.

Расскажу сегодня ей про Жанну д'Арк.

Настроение сезона

После того, как я нашёл в супермаркетовской тележке в снегах палку вкуснейшей колбасы «Еврейская» и упаковку сырников, нет человека, более меня верящего в рождественские чудеса.

Каждый сочельник я иду к магазину, в котором сбываются мечты, а в случае с колбасой «Еврейская» – и тайные желания. Ведь я смотрел на эту колбасу целую неделю, пока она ждала своей участи в холодильнике, жмурился, улыбался, трогал руками.

Тут ведь дело не столько в моей фартовости и экономности, а и в осознании того факта, что где-то в родном мне городе застыла в скорби семья иудеев. Вот папа разводит руками, вот мама капает себе лекарство, дети держат себя за щёки и качаются из стороны в сторону за пустым столом.

А у меня в доме ломота от щирости, треск от сытости и истома упоения. Когда ломтём ветчины обмахиваешься в перерывах между танцами на столах.

Ко мне в такие минуты заходят соседи с поздравлениями. Имеют при этом выражения лиц, которые любой может себе представить. Вспомните, как девушки приходят к своей подруге, которая живёт у зажиточного мужика в доме уже вторую неделю. «Зина! Давайте я ваши цветы отнесу – в воду поставлю!» И охапку роз у постели сгребает.

Вот если ей в этот момент в лицо посмотреть – сходство с моими визитёрами стопроцентное. Чрезвычайно смешанная гамма переживаний.

Вчера решил повторить свой колбасный успех. Но уже в другом месте, понятно. Никогда не возвращайся туда, где счастлив был. Поэтому поехал в другой супермаркет.

Ехал отлично. Слушал музыку, звонил по телефону, немного орал в морозную ночь, опустив стекло, на постороннего неприятного дядечку, потом выслушал самарское радио, зеленея лицом и держа перчатки у рта в виде такого ковшичка. Сорок минут простоял у парка Гагарина, наблюдая заходящих в парковую темень и выходящих оттуда. Очень интересное наблюдение. Заходят люди в парк всё больше группами парней с пивом, веселыми, в чёрных трикотажных шапках, а выходят поодиночке, оглядываясь, и женщинами в песцовых шапках набекрень.

Оказался заинтригован и хотел было сам развести ветки волшебства, выйти на залитую лунным светом поляну, проследить волшебные метаморфозы, но тут что-то с движением случилось, и все ринулись, как бараны, выгадывать друг у друга лишние десять метров у следующего светофора. Ну и я, конечно, ринулся...

Колбасы в тележке не было. Специально прогуливался по парковке, беззащитно заглядывая встречным в глаза. За одной тароватой парой даже пробежался, забегая и оглядываясь, потом незаметно подпрыгивал рядом, придерживая рукой полы шинельки, пока они свои покупки в багажник складывали. Был уверен, что при виде меня занервничают и многое просплют, а то и оставят в тележке. Куда там...

Понурый, зашёл в магазин.

«Вот тебе и Рождество, – грустно думалось мне, – вот тебе и надежды, чудеса всяческие, руки сирот, принимающие дары из золочёных карет! Вот тебе, ветеран, миска горячей похлёбки и хоралы под сводами!»

У остальных людей лица были праздничные и светлые. Многие пришли в магазин не только закупиться, но и для уместной прогулки. Меха, шутки, многие, уже выпивши, бредут семьями. Раньше так у городской церкви прогуливались.

Купил себе гусей и тмина, мандаринового джема, телятины купил, азартно помогал ловить в бассейне рыбу, приценивался к костюму Снегурочки, вздохнув, два раза прошёлся мимо стеллажей с колбасой.

Светлая грусть. Настроение сезона.

Мораль

Я с большим и сердечным интересом наблюдаю за поведением высокоморальных знакомых. Учусь у них редкому умению обустроить своё комфортное внутреннее бытие.

У меня-то всё, понятное дело, шиворот-навыворот. Многое как-то наперекосяк во мне. Внутренний мой дом населён странными образами и существами, которые живут в соседстве, каждый в своём помещении, а иногда встречаются, и тогда глаза мои загораются призрачным зелёным светом.

А у многих моих моральных знакомых в глазах незамутнённость альпийского озера. Хотя в это озеро, скорее всего, мочилась приговорённая к смертной казни и разным срокам заключения верхушка нацистской Германии.

Я решил брать со своих моральных друзей пример. А то что это я, в самом деле, всем чуть ли не должен! Чуть ли не обязан всем!

Нет. Теперь, конечно, всё будет по-другому. И если мне кто-то и позвонит с просьбой на некоторое время приютить какого-нибудь столичного литератора, заброшенного ветром странствий в мои палестины, накормить его, похмелить, прогулять по улицам с неспешной беседой, посадить на поезд и вручить на дорожку горяченьких трактирных пирожков, то я не пошлю звонившего сразу по соответствующему адресу и не буду изменённым голосом испуганно кричать: «Кто?! Кто это со мной говорит?! Почему я не вижу вас?! А? А?!» – и даже телефон не отключу, как надо делать всем людям, осознающим свою высокую ценность и любящим покой.

Я же решил быть моральным. Поэтому вышлю я к тому литератору своего расторопного секретаря с денежкой в конверте. Мало ли что там у него, литератора, приключилось. Может, у него все деньги украли и он, бедный, с чужого телефона звонит, синяя от сотрясения мозга и близости полиции? И мычит он в трубку не из озорства и не потому, что ему очень нравится побираться по разным мудакам навроде меня, а от лютой безысходности, страха и даже боли.

Вышлю я, значит, секретаря, да и дальше буду счётами шелестеть, играя блеском запонок. Вилькоммен, друзья!

Эмансипация

Столкнулись со зловещим феноменом. И даже горячо обсуждали его вчера вечером, во время отдохновения в трактире «Не рыдай!».

Так получилось, что на двоих моих приятелей некоторое время приходилась одна девушка. Такое, как это ни странно, случается иногда. Но с этой девой и у меня, как теперь выясняется, тоже были какие-то, знаете, кхм, фанты за занавеской в домике у моря.

Девушки значительно поумнели, вот что я вам скажу, за период с 1986 года, когда я увидел впервые в исполнении моей навек Кати С. игру «надуй волшебного дракона» с незнакомым и неприятным мне взрослым мужчиной. Игра девушек стала тоныше. Навыки и умения обрели отточенность.

Раньше баба только выглянет за околицу – посмотреть одним не заплывшим глазком на трескучий проезд пожарной команды, только улыбнётся дворнику Трофиму Евстигнеевичу, а в горницах, будто запах лежалой селёдки, поселялось прочно чувство бабьей вины. Баба ходит по дому шальная, даже беспутная. По ней всё видно было! Наматывашь её косу на кулак себе, вернувшись с солеторговой ярмарки, и, мелодично звеня пряжками на вожжах, спрашиваешь негромко, эдак протяжно, с выволокой:

– Ай да скажи ж мне, любезная моя, как ты честь мою тут рушила, подолом трепала?

А милая, попискивая что-то в разворошенное своё рукоделие с вышивкой, куда её пухлое личико несколько затолкнуто супругом милым, румянится, потому как понимает, что не без вины сейчас воспримет! Поэтому и краснеет, что понимает, как боженька наказывает за то, что нестрога была!

А с нынешними как-то всё сложнее. Иногда только врачи помогают понять, кто, с кем, и как, и в какой последовательности. И не всегда эти врачи – травматологи, вот что я вам скажу.

Тут-то мы, пожилые царевичи, и задумались. Я-то, собственно, ладно, дело прошлое, античное, забытое и погребённое ещё тогда, на побережье. А тут же за столом практически на глазах новые молочные братья образовались. Или как их ещё теперь называть, ума не приложу?

Пока мы, ошеломлённые, выворачивали друг на друга всё новые и новые подробности своего теперь уже родства, так получается, я всех успокаивал, подмигивая официантам двумя глазами (коньяку, коньяку тащите, родимые!).

Потому как знаю ещё более зловещие примеры из нравственной истории родного города.

Шарманка

Я – человек, мечтающий о шарманке.

Я хочу шарманку. Я хочу её давно и всем проел плешь на эту тему, настолько я хочу шарманку.

Я хочу шляпу, я хочу плащ, я хочу опрятную старость, мне сейчас подскажут, что я хочу пёсика-шалуна, платок узелком, в котором пяточки, я хочу небо, Италию и легкие сандалии.

Из всего необходимого для карьеры шарманщика у меня есть внучка и необходимая начальная композиция. Под эту композицию я могу крутить ручку шарманки, зыряка из-под шляпы во все стороны, а потом и в пляс пуститься, как мне сейчас подскажут, под шепот внучки:

– Дедушка, не надо... дедушка, стыдно...

А я так, зажав зубами увядшую розу, вышагивая меж покрытых белоснежными скатертями столов, отвечаю:

– Поздно, родная, поздно... полицию вызывай...

Дружба

Опять психологи говорят мне про то, что надо дружить со своими детьми.

Не понимаю, откуда взялась эта блажь?

Но решил попробовать.

На крошечном острове, где раньше аборигены избивали беззащитных тюленей для своих нужд и бродили под солнцем в кишках по пояс, решил попробовать.

Подошел к задумавшемуся Вавилонию Джоновичу. Вавилоний Джонович удачно оброспил рею на левый галс недавно. И с той поры под воздействием остальных участников экспедиции стал задумываться. Мы не верили, что выплывем, поэтому речи наши были очень убедительны.

Надо дружить с детьми.

Подхожу по черному песку. Говорю:

– Сынок! Представь, что с тобой сейчас говорит не отец твой, а твой друг! – Протянул к нему руки. – С тобой говорит друг! Лучший! Который нашел тебя после того, как ты его со спины долбанул бутылкой по башке, угнал его машину и сжёг его дом! Такой вот друг с тобой сейчас поговорит! Настоящий! Твой!..

Руки всё тяну...

Надо же другом быть, а не папашей.

– Ты, сынок, запомни! Похороны у меня такие будут: меня сожгут в костре из Шемякиных! Смекаешь?! Теперь беги, я в тебя буду камни кидать! Дядя Кеша и дядя Антоша тоже будут кидать! Они хотят быть тебе друзьями! Их из плавания с нетерпением ждёт только стаття! Им терять нечего!..

Приглашение

Грехи молодости иногда аукаются так, что неловко становится. Невольно вспоминается из псалмов Давидовых: «Грех юности моей и неведения моего не помяни».

Ещё ничего, если бы в дом ломились какие-то небритые внебрачные дети, брошенные на станциях по дороге в Ташкент бабы с чемоданами или что ещё, напоминающее о том, что жил нормально.

Нет!

Недавно был приглашён в общество историков для обсуждения чего-то там такого очередного мудрого. Меня редко приглашают на подобного рода посиделки. Увидеть группу придерживающих друг друга мелиораторов, зовущих меня к себе хриплыми от нежности головами, можно гораздо чаще, нежели гонца от профессуры.

А тут – внезапное научное приглашение!

Ладно бы привязали записку к кирпичу, да в окно. Мол, мусье, ждём вас ввечеру у пого-ста, при себе иметь диплом, миску и запас сухарей на два дня – ожидаются дебаты! Нет, всё очень культурно – вошли, ноги об коврик, спрашивают: вы такой-то?!

Обтирая мыльные руки о фартук, склонился в поклоне: пред вами, государи мои, пред вами, чем могу, так сказать, оправдать радость встречи?

Мы хотим пригласить вас на собрание любителей отечественной истории, извольте ж быть! Вот так прямо и сказали.

Я несколько замешкался. Потому как изучение истории в нашем уезде пребывает в довольно заспанном состоянии. Похоже это состояние на медленное пробуждение девы в осенней лесополосе. Когда лицо, отлёженное на пне, ещё горит румянцем невинного стыда, глаза безуспешно фокусируются на муравейнике, в мозгу «вор воровал, воровала и я», в волосах – хвоя, а общее состояние гардероба и положение тела обличают и сулят возвращение в посёлок уже опытной женской походкой на полусогнутых, в завернувшемся клетчатом пальто.

Другими словами, в движении губернской исторической мысли убеждаешься только тогда, когда проходишь с миской для подаваний под окнами университетских и видишь, как они на подоконниках бутылки с наливками переворачивают для равномерного прогрева.

И тут на тебе! Приходите!!!

Нытьё

Сидели за общим, туго заправленным и заставленным белым столом.

Я, как всегда, размышляю вслух о скорой гибели рода людского. Мол, для того ли нас рожали, для того ли мы чистили щёткой свои школьные ботиночки, для того ли то, для того ли сё?... Чтобы сейчас, друзья...

И главное – это всё очень надолго.

Нытьё над осетриной – основа моей культурной программы, она не подвела меня ни разу. Начни веселиться за столом – сразу подозрения, недоверие и кривые ухмылки. А урони кудлатую башку на кулаки да завой – молниеносно понят и любим всеми, даже вон тем, кто только зашёл, а уже смотрит на тебя с нежностью, видит единомышленника, соратника по татарскому плену и огню Козельска.

– Ты вот кто? – спрашиваю я вежливо. – Ты вот зачем? тут вот? и всё это?! зачем? Ты отчего прокурор?

Федюнин не знает, как на это ответить.

– Или ты, – тычу пальцем в другого, – почему? а главное, кому?! там! где? там! – Показываю, где «там». – А я?! – шепчу, выжимая лимон. – Куда? был же вариант стать специалистом по средневековой андалузской поэзии... бед бы не знал...

Радио

Дозвонился до радио.

Впервые в жизни, кстати сказать. Обычно на радио я отправляю посылки, которым там не радуются, а страшно кричат и царапают себе лица.

А тут дозвонился.

Одна боярышня недоумевала в устной форме по поводу Владимира Красно Солнышко. Который св. Владимир. И которому хотят в Москве поставить памятник, что, конечно, смешно и страшно. Но не потому, что Красну Солнышку памятник, а потому, что в Москве. Такой Москва город, что установи по московскому обыкновению конную статую Циолковскому, благословляемому на бой с Сатаной св. Георгием, и получится страшно.

Плюс подсветка. Страшно.

Так вот, боярышня (либеральная, надо полагать, иудейка – по фамилии сужу) ругала нашего равноапостольного любимца Владимира Святославича Рюрика. Говорила о нём ужасные слова. Вспомнила и изнасилования, и братоубийство, и ещё бог знает что. Вот, говорит иудейка, кому вы поклоняетесь!

И сразу, без перехода: вот на кого вы собираетесь тратить деньги, *собранные из ваших-наших налогов!* Этот оборот лучше фамилии Розенфельд выдаёт человека мыслящего.

Передал штурвал «Волги» сыну своему, Вавилонию Джоновичу. Сам стал двумя руками звонить на радио. Сначала спросил, не получили ли мою последнюю посылку? А потом задал вопрос боярышне: какой у неё любимый герой в сериале «Игра престолов»? Попросил не врать только.

И, не дожидаясь обрыва связи, посоветовал ей ревизовать для начала своих библейских героев на предмет кровосмешения, братоубийства и подловрания.

Крошка Вавилоний хищно крутил штурвал моего раритета, мы мчались в город, ибо были голодны, а я всё наярывал в трубку слова, в которых тьма озарялась тяжёлым золотом молний.

Совсем обалдели.

Фульгенций

Что такое монастырский перепляс?

Иллюстрация.

Звонок от товарища. Как всегда, злобные крики, хриплый смех, вой и сплетни.

Внезапно, отдышавшись от воя, товарищ спрашивает:

– Как там твой медиевист?

Это он про сына старшего спрашивает.

– Отлично! – отвечаю. – Как твоя философ? – Я ведь ехидный. Отдать девушку на философский факультет – это же как в омут бросить.

И вмастил своим вопросом, ох вмастил... Товарищ пошуршал (бумажку разворачивал, думаю) и сочно, весомо произнёс:

– Не жалуемся. Тема у неё интереснейшая. Эвгемеризм Фульгенция...

Я по-крокодильи прикрыл веки, помолчал.

– Господи, как же это интересно, – с интонацией не справился. – Ты в баню приедешь? – Кашлянул. – Приедешь?..

И руку разжал, свободную от телефона.

А на ладони – следы от ногтей.

Папанин и Курчатов

Советский полярник и дважды Герой Советского Союза Иван Дмитриевич Папанин в 1920 году работал комендантом Крымской ЧК. И следователем ещё в той же ЧК работал.

Работа в Крымской ЧК в 1920 году была не очень простой, скорее даже очень напряжённой. Не все врангелевцы успели эвакуироваться в Турцию.

И вот к следователю Папанину привели очередного подозреваемого врангелевца. Молодого ещё, лет восемнадцати. А Папанин Иван Дмитриевич уже подписал сегодня довольно много дел на окончательный расстрел, уже как-то был утомлён. Посмотрел на восемнадцатилетнего подозреваемого врангелевца, возьми да и отпусти его:

– Учишься где? На физика? Учись хорошо, пригодишься!

Так, собственно, и познакомились будущий дважды Герой Советского Союза Иван Дмитриевич Папанин и грядущий трижды Герой Социалистического труда Игорь Васильевич Курчатов.

Наверняка это легенда. Наверняка неправда. Просто в 1920 году, в ноябре, Папанин и Курчатов пребывали в одном городе. Один – следователь ЧК, второй только поступил на физмат Таврического университета.

Я о другом. Когда я совсем недавно рассказал эту историю, что-то там иллюстрируя, из посевшего за время моей речи зала раздался единственный вопрос:

– А кто эти люди?..

Старость наступает тогда, когда твой мир и мир остальных людей пересекаются только на уровне разговорника для туристов.

Королевская семья

Чем меня утешает в потоке страданий бытовой жизни британская королевская семья?

Тем, что она дешевая в содержании. 61 пенс в год с носа каждого подданного – и вот, на тебе: кино и Виндзоры нон-стоп. За стоимость пачки молока тебя развлекут на высоком культурном уровне.

То есть не просто дешевая в содержании, а ещё и интересная семья. Плюс доход от неё какой-никакой, а падает в общественную копилку.

Если у меня спросят, чем бы я хотел заниматься на пенсии, кого бы я хотел, например, разводить, я отвечу строго и искренне: я бы разводил королевские дома и заселял ими пустующие земли.

Как только заведётся на пустоши какой король с семейством – пустошь преобразается в мгновение. Туристы, сувениры, фотокарточки по пятьсот рублей с автографом. А там и сериал, понятно.

А если к разведению монархов средней удойности присоединить селекцию градообразующих маньяков, то закат моих дней видится мне пышным.

Афанасий Степанович

Вокруг моего горного островного домика растут сосны. В соснах живут попугаи. Сосновитовидные попугаи. Или сосёночные. Их до ужаса много во всём: в количестве, в криках, в темпераменте и всяких шкурках и огрызках, которые они мечут. Представить себе, что у тебя над головой живет табор крошечных цыган, может каждый.

Как и полагается при соседстве высокоразвитых цивилизаций, мы переняли у попугаев многое. В первую очередь, привычку орать друг на друга, широко распахнув глаза.

Среди моих сосновитовидных (сосёночных) попугаев выделяется Афанасий Степанович. У него одна нога. Каждый, близко знакомый с Афанасием Степановичем, убеждён, что вторую ногу Афанасий Степанович отгрыз себе сам. Может, на спор. Может, просто так.

Такой он вот человек – попугай. Ко мне относится хорошо.

Сегодня Афанасий Степанович поразил меня филигранным изображением звука разлетающихся городков. Я тут завел моду – играть в городки с приятелями. Возможность замахнуть и бросить дубину в сторону родных – это приятная редкость в городских условиях. Афанасий Степанович щелкал так, что я потянулся с балкона смотреть: кто?! без меня?! Подождите! Чуть не навернулся.

Спустился к утреннему кофе. Поорал на собравшихся, побегал вразвалку туда-сюда, заложив руки за спину. Стал жрать печенье, крутя головой.

Афанасий Степанович смотрел на меня из ветвей. Тоже печенье любит.

– Нет, Кеша! – сыпя печенье на жабо, вещал я. – Сто миллионов долларов не сделают тебя ближе к Богу! Но! Не расстраивайся! Но! Сто лимонов сделают тебя ближе к кладбищу! К такому шикарному кладбищу, что туда Христос приходит собирать цветы для букетов бедным детям. Так что, в принципе, твоя идея быть пенсионером и работать – она перспективная такая! Веники, тапочки, сколачивание ящиков... а там и сотня миллионов...

Вмешался Вавилоний Джонович. Сказал:

– Дядякеша! Это камчадалская фишка: купить себе «Ладу-Калину» и с этого момента считать, что Александр Македонский умер в нищете. Мы ценим только то, на чем сидим, что можем бить и что можем пропить за неделю. Семью любим. Уолл-стрит не для нас! Наш стартап – повстречать в тайге раненого почтальона...

И покивал.

Вавилоний Джонович больше всех перенял у Афанасия Степановича.

Страсти

Вот, к примеру, общение с эмоционально богатыми людьми. Ну, у которых всё кипит, переливается и горит огнём в глазах. Открываешь им дверь, и тебя отшвыривает к стене волной чувств и страстей. Сползаешь спиной по пальто, а тебя накрывает вал переживаний. И это если эмоциональные гости трезвые пришли. В противном случае дверь сносит с петель, как только они во дворе нарисуются, искря, озонируя ночь и фонтанируя репликами.

Мне с такими людьми трудно. «Передайте мне рыбу, пожалуйста!» – а у самого волосы дыбом и вилка в руке дрожит. Трудно с такими. Но в последнее время обратил внимание, что если смотришь в пятидесятый раз «Унесённые ветром» и, соответственно, в пятидесятый раз видишь горящую Атланту, то уже и не очень жарко тебе.

– Какую вам, мать, рыбу?! – орёшь в ответ так, что изо рта летят лук, куски селёдки и малосольных огурчиков. Перегибаешься через стол к спрашивающему. Желательно при этом дубасить рукояткой ножа по столу. – Какой вам, говорю-слышь, рыбы?! Стерлядки, да, стерлядки?!

И над головой лампочка так – «дзынх»...

– Это было в Чили! – продолжаешь орать и дубасить. – Мы получили приказ адмиралтейства взорвать свой крейсер! Понял? Да?! Динамит! Я в белом кителе! На мостике! Без руки! Зубами, слышь, зубами – вот этими вот, смотри! Видишь, да?! Этими! Перевожу на «самый полный»! Торпеда! Вспышка! Вторая! Вспышка! Пламя лижет ленточки! Мимо летят части экипажа! Якорь со свистом! Вот так вот – фсшвить! Якорь! Кровавый прибой, бинты, пробковые койки... Очнулся в Гамбурге, второй год работаю швейцаром! Немецкого не знаю! И, слышь, уже брюнетом очнулся! В зоопарке! Ночью! С осколком в спине! Вам какого-нибудь салата предложить?! Прохладительных напитков: морс? крюшон?!

Только так!

Фото во сне

Самое поразительное, что люди, фотографирующие на телефон свою еду в ресторане, воспринимаются нами вне больничных стен, где им самое место, совершенно нормально.

Я бы пристроил ещё этажей десять в отделении матёрой дурологии, чтобы с удобством и покоем разместить там по специфике граждан, фотографирующих то, что они сейчас едят, товарищей, фотографирующих свои ноги, господ-фотографов спящего меня.

Проснулся от чужого смеха. Обычно я просыпаюсь от собственного. А тут чужой.

Насторожился.

Любой, представив себе, что вот он лежит, доверчивый и беззащитный, а над ним раздаётся чужое повизгивание, обязан встревожиться. На всякий случай.

Я не просто встревожился, а и нахмурился. Пообещал фотографам, что последний кадр, который обнаружат на их телефонах, им совершенно не понравится. Что я засуну их телефоны туда и так сильно, что последние фотографии в них, все как одна, будут называться «Свет в конце туннеля».

– Всем должно быть понятно, мои дорогие, что фотографировать меня можно только с письменного разрешения градоначальства, в лёгкой вуали, при свете свечи. Чтоб, значит, красиво и с духовностью, – говорил я, методично подламывая дверь, за которой укрылись паникующие папарацци. – Сейчас будут щепки, глаза прикройте.

Организатор

В Интернете, склонном, как известно, к поощрению любых отклонений, я чувствую себя очень уютно. Давно хотел об этом сказать.

Дальше речь пойдёт о другом, конечно.

Я мгновенно обустроиваюсь на новом месте. Окружающие меня люди неоднократно убеждались в этом. Только прислонили на минуту к забору, придав моей вынужденной позе некую выразительность, только отвернулись, вытянувшись во фрунт перед проезжающим правоохранительным разъездом, а обернулись – я уже сижу перед расстеленной газетой, на газете миски, бутылки, кастрюля с паром из Везувия, на шее у меня трепещет импровизированная салфетка из соседской занавески, я щурюсь на солнце, обколупывая с неясной улыбкой невесть откуда взявшиеся калённые в углях куриные яйца. На коленях моих обмирает хозяйка занавески, не веря подвалившему счастью. А я всем своим крепко сбитым домашним видом олицетворяю торжество природы.

– Джон! – упрекают меня часто мои спутники. – Оставишь тебя без присмотра на полчаса, возвращаешься, а вокруг тебя уже голуби, уже назначаются свидания, уже рынок ковров и фаянса организован, уже фотографируются в фатах и туфлях с загнутыми носами, все потные, орут, торгуются, а ты смотришь на всё это громокипение глазами отца-основателя... Вчера ведь орал, бегая по пирсу: «Не оставляйте меня здесь, родненькие! Я всё верну обратно! Чувства можно воскресить!» А теперь тебя отсюда и не выдернешь!..

Это так все, да. Но иногда надо скрываться от людей и мне.

У меня строгий принцип: как только в мою честь называют местный бар, я уезжаю из города. Потому как совершенно понятно, что потом пойдут именованья в твою честь мясистых, не всегда, кстати, моих детей. Потом кривеньких улиц. Потом появятся тощенькие самозванцы, которые лестью будут водить за собой толпы, врать бессмыслицы, чудодесить перед камерами и бесов гонять с лукавыми тоненькими причитаниями: «Хлыщущу, хлыщущу, рая ищущу!» Фельетоны начнутся, из музея за мной приедут с сетями...

Ухожу я обычно утром, по прохладе, спорым суворовским шагом, посылая следы смесью махорки с перцем. По дороге бросаю на берегу записку: «Прощевайте любезныя лихом мя не помните люблю всех тут но не могу уж я боле и изнемог а надоели вы мне как собаки или кто там ещё».

Ниже по течению выбрасываю припасённый сапог.

Не люблю, чтобы надеялись, чтобы ждали, не знаю, бегали к почте, в розыск объявляли. Что там ещё бабы-то делают?

Два взгляда

1. ...Утра луч
Из-за усталых, бледных туч
Блеснул над тихой столицей
И не нашёл уже следов
Беды вчерашней; багряницей
Уже покрыто было зло,
В порядок прежний всё вошло.

2. Первые лучи солнца, озарив печальную картину разрушений, были свидетелями благотворения и сострадания... Вера и благодать Всевышнего, излившаяся из сердца великодушного монарха, принесли первое утешение несчастным... В первые сутки уже не было в столице ни одного человека без пищи и крова.

Первый отрывок взят из «Медного всадника» Пушкина. Второй – из статьи Фаддея Булгарина. Пушкин читал статью Булгарина в книге Берха.

Первый отрывок является поэзией, в ней одеяние царя (багряница в одах Ломоносова) и луч солнца – это одно и то же.

Второй отрывок современники и поздние критики уверенно полагают проявлением угодничества, беспринципности и рептильности.

На следующий день после ноябрьского наводнения в Петербурге 1824 года по городу лежали неубранные трупы.

Названия

Сегодня в физкультурном кружке обратил внимание, как чудно хороши девушки вокруг. Светски содрогаясь, следил за ними, как в бреду тифозном. Все как-то... целокупно, тугомясо и чудесно, что ли. Это первый признак того, что какие-то гормоны ещё поступают мне в кровь, какая-то тайная полукитайская фабричка внутри меня химичит у чанов, хихикает и самогонит в три смены.

С другой же стороны, если я смотрел сегодня на девушек, которые, как я понял, теперь поголовно приседают, то нагрузка моя недостаточна. А куда больше-то? Я и так пластаюсь как не знаю что! Зловещая цепочка вырисовывается, зловещая...

Но от злобствований, понятно, все равно не удержался. Не поверите, но одна девушка в гусарских с вышивкой лосинах и со штангой на нецелованных плечах делала реверансы, не знаю, как правильно, книксены. Перед зеркалом. Чёлочка мокренькая, хвостик мокренький, ножки трясутся, а упорно книксирует, что тебе мадам Безухова Е. В. на батарейках. Ытц-ытц-ытц!

Спросил название диковинного упражнения, сослался на то, что крайне впечатлён. Названия у упражнения не было. Немедленно присвоил свое имя выпад. Выпад Шемякина. Вслед за открытыми мной на прошлой неделе синдромом Шемякина и лососем Шемякина, выпад Шемякина – достойный вклад в копилку.

Всему непонятному и неприятному присваивайте свое имя. Рекомендую. Поймете, простите, полюбите.

На Канарах живут тараканы Шемякина (бывшие огромные противные твари насекомые, лютые тараканы с липким чёрным помётом, а теперь верные друзья и симпатичные слушатели). Крыса Шемякина огромная живёт у меня за городом, рядом с соседями Шемякина, особым подвидом человечества. Раньше крыса меня содрогала, следы её мерил, пальцы растопыривая. Савелию Парменычу крыса чуть палец не отхватила. Бодрая и гнусная такая тварь была. А стала крысой Шемякина, сразу обнаружила в себе черты эстетического благородства, проявлять стала шарм и лукавую загадочность. Не жрёт рыбные пельмени, например. Ну разве не прелесть? Разборчивость в моей деревне – признак окончания техникума, кстати.

Это дело с присвоением имени очень помогает. Не можешь продать, задавить петлей, предать, обменять или засолить, а что-то делать надо – смело называй своим именем. Фамилия не подведёт, утешит, облагородит и причешет.

Спасать

Бывает, вот бегут к тебе люди на помощь! Сначала звонят, конечно. Взволены все. Потом решительно едут тебя спасать. Кто откуда, конечно. Самолёты, товарные составы, караваны осликов. Мчатся выручать тебя из беды.

И вот бывает ведь так, да? Смотришь на прибывших тебя спасать, ты к утреннему чаю спустился, тапочки кожаные у тебя тонкие, монограмма на кармане халата, легкий загар... И смотришь, повторю, на людей, которые бросили все дела, все заботы свои и примчались беду от тебя отводить. Понимая с отчаянностью и постепенно, что перед тобой просто мазохисты разной степени потёртости. А не герои из сказки, как ты мечтал каких-то сорок лет назад. То есть приехали к тебе те, кому нравится проигрывать, униженным быть не в диковину, кому боль и стыд – лучшая награда, кому поражение – за бонус.

– Наталья Павловна! Ещё пять приборов ставьте! – это громко кричишь в зале.

А сам к телефону в коридоре – шмыгь. И, прикрывая рукой трубку, отрывисто:

– ...На все условия, говорю... да... безоговорочная...

Потом к гостям с улыбкой герцога в изгнании выходишь, весело шутишь, треплешь собеседников по залысеным головам, помнящим венки триумфов. На душе так хорошо. Солнце по-разному, оказывается, смотрится на столовых приборах и натёртом паркете. Вспоминаешь со спасителями своими разное из героического прошлого (полные разгромы, чёткие отступления, красивые сдачи). Ну, это как при капитуляции в Йорктауне под пушки Вашингтона англичане послали барабанить сдачу мальчика двенадцати лет, очень трогательного. Паричок ему подобрали.

Короче, надо тянуть время, пока за спасителями их родные не заедут, а у кого родни нет – того медики подберут. Тоже, кстати, выехали.

Вай-фай

Когда устанавливали в домике WI-FI, то я ведь и не предполагал, что через моё немолодое, но ладное тело будут проноситься какие-то фильмы про зомби, про упырей и про грешащих людей без исподнего.

Какие-то сообщения чатов через меня будут проноситься, калеча чмоками и лайками мембраны или что там у меня в утробе, не знаю, нежные структуры и нервные переплетения.

Сегодня внезапно осознал этот зловещий факт. Засел мокрым кулём в кабинете. Посмотрел на мобильный. Понял, что меня пронзают ещё и многочасовые юношеские и девучкинские беседы.

Держась за щёки, сидел до получаса молча. Шапочка из фольги, символ бытового безумия, внезапно показалась мне удивительно удачным решением.

Тут недавно донесли мне про одного безумца в фольговой шапочке, который всем докладывал, что его соседи облучают. То есть типичный случай такой. Слава богу, у соседей нашли сорок, что ли, микроволновок, коварно направленных в сторону облучаемого безумца. А то и не знаю, что бы случилось.

Когда я на заре человеческой истории работал старшим истопником в градоначальстве, меня засадили на приём граждан.

Кто пойдёт в градоначальство на приём? Понятно, что счастливых, которые несли бы мне свою радость, хотели бы поделиться удачей и принести детей под моё благословение, на приём приходило не очень много. С деньгами вообще никто не приходил.

В основном ко мне бодро шествовали беды, кручины, боль, холод, делириум, бедность, жажда и безумие. В разных человеческих обличьях. К концу приёма я выли и плакал сильнее, чем зашедшие.

Приходил ко мне раз семь изобретатель системы прыжков с высоты. Гарантировал, что по его схеме можно прыгать с десятого этажа. И не просто прыгать, но и уцелеть при этом. Было много рисунков, стрелок и цифр.

На восьмой раз я открыл окно в своём кабинете и с надеждой посмотрел на гения. Этаж был второй, но высокий. Под окнами стояла моя машина, личная. Не пожалел я тогда её. Сжимаемая пульсирующую голову, подумал: бог с ней, с машиной, не убился бы только насмерть этот кудесник.

Посетитель отошёл к двери для разбега, я зажмурился. Открыл глаза, когда дверь радостно хлопнула, сигнализируя, что визит закончен.

Потом этот же гражданин приходил ко мне с системой абсолютно нового дыхания. Чтобы под водой до десяти минут, с ножом, к вражеским защитным сетям, во мгле Гудзона, верхом на дельфине Наташа. Но я уже был закалённым, надел на надежду мира противогаз, взятый из комитета по гражданской обороне, и умело пережал шланг. Больше я гения не видел, но мне рассказывали, что его система дыхания сейчас используется в оздоровительном комплексе «М-П.». Не удивлён, кстати, не удивлён.

Приходила ко мне бабуля. Соседи систематически травили воду в кране. Горечь в воде была сильная. И всё-всё у бабушки болело, ломило и ёкало. Снял с себя крестик, протянул баушке и, по-ангельски взмахнув ресницами, пропел в благости, что беда её теперь и не беда вовсе. Что с крестиком во рту она может отравленную воду пить и от того только целеть и здороветь на глазах.

Через два дня получил гонорар – банку сметаны трёхлитровую. В сметане оказалось немного битого стекла. Видно, что помогло средство, бабка начала соображать более здраво. Прикинула, что конкуренты в исправлении воды ей ни к чему. Сама может эту тему поднять без натуги.

И вот меня, такого восхитительно находчивого и наделённого всеми 67 признаками мудроты, теперь терзают смешные вай-фай фобии.

Меня настигло возмездие, вот что я скажу.

Рентген

Нажрался с утра контраста для рентгена.

Студентам меня показывали. Я болтал ногами, сидя на рентгеновском столе, который сначала был стеночкой, а потом – раз! – и стол! От быстроты метаморфозы опешил. Но виду не подал, смотрел на всех остро, умно, отвечал на все вопросы, врал и выкручивался.

Ещё ворочался и так и эдак, повинуюсь приказам, доносящимся из стены. Голос из стены требовал от меня много рискованных позиций. Студенчество, надеюсь, фиксировало. Красота же покидает мир. А я так изгибался, что многие бы охотно платили деньги за любование пластическим этюдом полнокровного клоуна под животворными лучами святого Рентгена.

Если бы у людей были деньги, я жил бы совсем, говорю, иначе.

Раствор для контрастности берут полной ложкой из корытца. Надо ложкой подколупывать подсохший медикамент.

Ложку велели принести с собой. Я, понятно, забыл. Но на первом этаже клиники работает теплая питательная столовая, по углам которой студентки переодеваются из мирского в эскулапское. Пропихивая третью ложечку в рукав, засмотрелся. Потом вспомнил, что велели и стакан принести. Отбежал за стаканом.

Оказывается, до сих пор компот разливают. Выбрал с сухофруктами. Сухофрукты переживут цивилизацию. Не изменились с 1975 года совсем. Траурные черные груши, размочаленный чернослив, размокшие дольки яблок, суетливый изюм. Как будто и не было крушения империй, царств и пророков.

Крикнул с воодушевлением: «Николай, я заплачу сейчас!» – и в сторону, сжимая стакан. Выхлопывая ладонью остатки сухофруктов, загрустил, что совсем никакого Николая и не знаю.

В кабинете облучения язв над корытцем с контрастом бумажка. На бумажке просьба уважаемым коллегам не разбрызгивать раствор на зеркало. Зеркала, кстати, никакого и не было. Зато была бабушка, которую, наверное, забыли в кабинете предыдущие исследователи старушечьих сокровенных глубин.

Бабушка сидела в углу исследовательской каморки. Под табличкой «Рентгеновский кабинет установлен по распоряжению губернатора Самарской области в 2006 году». Удобно старушечка расположилась.

Я вроде как поклонился ей в пояс.

Структура

Меня окружают романтики. Вчера меня зажал в углу конкурент по церковной паперти, на которой я жую восковые свечи и пророчу на разные голоса про силу гнева Господнего.

– Джон, никогда! никогда! – говорил конкурент голосом опытного сердца. – Никогда не храни сало в морозильнике! Так нельзя, пойми! Вода замерзает и разрывает нежную структуру сала, калечит его... Ты семейный, должен понять, как это бывает!

Разевая рот в беззвучном крике, пришёл домой, волоча котомку по первому снегу.

Кошелёк

Обедая в деликатесной харчевне, с липким ужасом осознал, что оставил свой кошелёк дома. Манто своё брезентовое накинул, когда пора настала, а наличность оставил у зеркала в прихожей, до того собой залюбовался.

Механически, как варан с острова Комодо, рвал белоснежными зубами мясо, лихорадочно соображая о бегстве через окно.

Потом мысль сместилась в сторону моего возможного долгового рабства в заведении. Потому как стёкла в заведении были удачно для хозяев декорированы прутьями из чугуна. Пригорюнившись, воображал себе свою жизнь в качестве посудного мальчика, и как буфетчик Трифон будет трепать мои кудри за разбитый водочный полуштоф. А потом меня заприметит какая-нибудь статная вдова и начнёт делать мне в посудной комнате разнообразный плезир и даже весьма забавный кунштюк, пока я буду торопливо жевать принесённый ею для такого случая румяный калач. Потом я начну играть гостям на балалайке. Командированные из Елабуги будут кидать в меня огрызки и мазать моё унылое лицо горчицей. Зимой я буду бегать за извозчиками, разнося им меж загаженных сугробов чай за десять копеек...

И неизвестно, чем бы мои сладкие мечтания завершились: смертью ли от легавой пули в пахучем магазине братьев Ралле или же карьерой сизоносого будошника у вокзальной площади, но углядели меня, сжавшегося под фикусом, мои бывшие коллеги – чиновники местного градоначальства, и с этого момента всё и пошло под откос...

Я такой лукавый.

Косметический кабинет

Племянницы просили забрать их из косметического кабинета и отвезти на девичник. Кто-то там из их подруг замуж выходит. И поэтому по укоренившейся моде молодые девушки на девичнике будут изображать из себя старых шалав накануне неминуемого развода: трогать мужской срам, пить из горла, петь в полуприседе и визжать.

Противостоять этому безумно, возглавлять стыдно, присутствовать опасно, испортить невозможно.

Дождаясь кровинок своих, сел в салоне на диван для ожидания. Ну, как сел – провалился в диван, ахнув, что тебе горничная в опытных руках. Мягкость дивана неопишуемая была. Руками уцепился за столик с журналами, чтобы диван не засосал меня до самого вкусного.

В таком положении увидела меня чиновник областного правительства, которая, конечно, по служебным делам заехала за уколами. Чиновник – очень красивая женщина и давно меня не любит. С такими женщинами надо встречаться редко, и желательно, чтобы её при этой встрече выволакивали за ноги из клуба для матросов, а ты проезжал в белой шляпе верхом на вороном коне. А в этот раз встреча вышла какая-то совсем уж.

– Здравствуйте, Джон Александрович! – пропела сверху прекрасная чиновник. В голосе её изнывал в сахарном сиропе великолепный век. – На процедуры пришли? Я считаю, что вам давно пора...

Вагон

Встречал на вокзале родственников.

Зашёл в вагон. Признак деревенской зажиточности, эстетика справного кулачества – жарко натопленная изба, – диктует понятия о комфорте в РЖД. Занавески из плюша. Оборки. Занавесочки в сборку. Витые шнуры какие-то. Подстаканники. Особенно впечатлила какая-то полуикона в красном углу купе. Не икона, а такая литография душевная св. Алексия Московского. В рамке на шурупах – чтобы не упёрли богомольцы, значит. Не хватает только граммофона, рыжиков в миске, пьяных колчаковцев и связанной комсомолки на полу. По виду бредущих по перрону приезжих сразу видно, кто в каком вагоне ехал. Люди из зажиточных вагонов краснолицы и диковаты взором. Видно, угорели несколько.

С другой стороны, меня и хайтек не очень устраивает. Не то чтобы я был капризен. Просто в японском экспрессе зашёл я в безжалостный сортир. Сплошной минимализм и кнопки. И поясняющие картинки. Картинки для японцев. Они и не такое видели в своих комиксах. Над одной кнопкой был изображён человек, у которого из задницы торчал костыль. Намёка не понял.

Нажал на кнопку побезобидней – запахло лесом. Рано, думаю, не время ещё для хвойных ароматов.

Нажал другую – помещение заполнилось звуками струящегося водопада. Сочетание запаха тайги, звука водопада и голубой подсветки настраивало на мирный беглокаторжанский лад. Вроде как к Байкалу вышел, пробравшись с Акатуя.

Нажал сразу на все кнопки. Вытирая семью выпавшими салфетками жидкое мыло двух видов с очков, впал в азарт, нажал ещё пару окончательных кнопок. Двери разъехались в стороны, а из стены выпал дефибриллятор. Погодя выпала телефонная трубка. С кнопкой!

Трубку запихнул обратно. Нажал на кнопки, которые успели погаснуть. Ничего! Нажал ещё раз, запихивая свободной рукой дефибриллятор. Двери съехались. Звуки струй стихли. Унитаз развернулся на 90 градусов против часовой стрелки.

Забоялся катапультирования. Выбрался из диаволовых чертогов, позабыв, зачем заходил.

Надеюсь, подозрения, что я своим хаотическим поведением с кнопками сместил с орбиты пару-тройку спутников связи, беспочвенны.

Лысенко и Бакунин

Думал о Трофиме Лысенко. В его взглядах много созвучного моим настроениям.

Чтобы переродиться, достаточно свободы воли. Чтобы переродить какое-нибудь растение, достаточно его мучить день-деньской, советуясь с прорезиненными коллегами в курилке. Чтобы животное стало полезным, надо создать ему такие дивные условия, чтобы животное само, выпучившись на плакат и дыша паром, доилось с разбегу.

А генетики-детерминисты – от их учения веет какой-то заведомой обречённостью для всех, кроме самих генетиков. Сами-то они не пропадут – знай себе скрещивай пауков с помидорами... А в этом скрещивании нет никакой полезной фантазии, чистый механицизм. Стыдно за них!

Ты создай помидору условия, вступи с ним в диалог, спорь, терзай, приручи его!

Нет помидора? Приручай человека иностранного! Он тот же помидор, только поскучнее.

Только русский может приехать в Швейцарию и создать среди швейцарских мастеров по изготовлению швейцарских часов союз неистовых анархистов. Федерацию кантона Юра.

Сидят по мастерским дядечки, всю жизнь на часовой мануфактуре, в глазу увеличительное стекло, винтики, пружинки, шестерёночки. За окнами – Альпы. Сливки всякие. Фаянсовые кувшинчики в цветочек. Собирают часики. Тик-так. В пальцах отвёрточки. Ти-ши-на. 1871 год.

И тут дверь распаивается. Влетает русский Бакунин. На плече вещевой мешок: картофель, книга, чужой глазной протез, соль.

– Шта?! – спрашивает из дикой бороды, глаз дергается. – Пора?! Пора!!!

И швейцарские часовщики такие хором:

– Господи! Наконец-то!!!

Встают. Разгибают согбенные спины. Трут глаза. Пытаются рассмотреть говорящее пятно в двери.

А Бакунин так:

– Ну вот!!! Стало быть, это... вот... тут... – Потоптался. – За мной погоня вообще-то... Вы как тут? – Пауза. – Так вот... в таком роде... в таком вот роде!.. это... долой!!! – Через десять минут молчания под тиканье часов с кукушкой: – Пора мне. Вы тут... активней, что ли... Не желаете купить номер «Арбайтер цайтунг»? Недорого вообще-то... Или брошюры... Есть интересные... Ладно!

И с криком «АНАРХИЯ!» аккуратно выходит, прислонив к стене ранее выбитую дверь.

Потом снова голову в проём просовывает:

– И садитесь уже... или поморгайте, что ли... всё! до встречи!

Только этим фактом могу объяснить цены в часовом магазине, в который вчера вошёл в красной рубашке.

Они, часовщики эти, долбанулись. Проморгаться от ценников невозможно. Сразу понятно, что Луи Улисс Шопар активно орал на конгрессе швейцарских анархистов в отеле «Баланс».

Анархисты-часовщики снабжали часами русских императоров, русскую армию и русскую политическую полицию. Ясно, что сказалось это обстоятельство на всех. Достает государь император часы, крышка мягко открывается, а за драгоценным стеклом – Бакунин в красном пламени корчится и рукой манит.

Щёлкает крышка.

– Да пропади всё пропадом... твою ж маман... – шепчет государь.

Новыми часами пошёл хвастаться к соседям.

– Какого хрена?! – спросили соседи хором.

Они немного чопорные у меня. Стоят на крыльце полным семейством. Два часа ночи, сколько можно, как это невыносимо – и всё такое прочее говорят.

– Да шучу я так! – с обидой сказал, в воротах оборотясь. – Надо как-то по-человечески жить! Смешные вы люди...

Недопонимание

Как-то я выходил из церкви и какой-то профессионально симпатичной старушке у паперти дал денежку.

При этом ведь обязательно надо что-то сказать. Просто так дать денег у меня не получается.

Я и сказал:

– Помолитесь за раба божьего Джона.

Баушка посмотрела на меня небесным взором и, перекрестившись, сладко пропела:

– Царствие небесное рабу божьему Джону!

Такси

Иногда, под воздействием необоримых обстоятельств, мне приходится вызывать себе такси.

Я консервативен по природе и пуглив по убеждению, я вызываю такси одной компании. Годами.

Естественно, в компании меня уже все знают. Даже не по голосу узнают, а по первому моему сталинскому покашливанию в тяжёлую эбонитовую трубку дизельного мобильного телефона. Выхлопы от моего телефона несколько поддушивают, в горле попервоначально першит от солярного выхлопа.

Ах, говорят, вашисясь, не извольте сомневаться, домчим сей же секунд, надевайте уже калошки-с, на улице дождик имеется, премного благодарны-с, доброго здоровычка!

И вот уже я, хрустя утренней луковицей и кутаясь в уютную мамкину шаль с кистями, бегу, разбрызгивая лужи, к лимузину. По дороге к авто, конечно, диктую сопровождающим ценные мысли, привычно исцеляю золотушных, на подворье звон гудит, отец Паисий наяри-вает на колоколенке, народ валится вповалку, над головой тоненький нимб трепещет, на кало-шах – крылышки.

А в авто таксишном сидит водитель. Не курит, слушает Бартольди, имеет вид справ-ного гвардейца-семёновца, пахнет свежестью морозного утра и крепеньким яблочком. Гони, задорно кричу, отсель меня, послушливый шоффэр! Умчи меня, олень, в свою страну оленью! Ну или в моё присутствие, где я граблю вдовиц и разоряю благородные семейства под щёлка-нье счёт! Или к цыганам, в Разгуляево! Только давай побыстрее и подальше отсюда!

А сам смеюсь при этом звонко, что тебе валдайский колокольчик.

И так продолжалось, повторю, годами. Потому как к самостоятельному вождению ника-кой страсти я не испытываю. А если и выезжаю на большой тракт самостоятельно, то предва-рительно режу до семи жертвенных козлов прям во дворе и щедро омываюсь месмерическими волнами. И то эти действенные меры не всегда помогают. Иной раз чей-то череп на капоте привезёшь, или погоня по буеракам за мной случается, или ещё какая хрень в таком вот аван-тюрном духе. Хотя я стараюсь ехать правильно и руль держу не только руками, но ещё и правой ногой несколько так, вообразите, подруливаю, и кричу в окна пронзительно, и всё что хошь... Стиль вождения такой – «весёлый горилла Джимми, гордость лондонского зверинца».

Из-за этого очень часто такси. В котором, вы помните, меня все знают и даже, не побоюсь этого определения, ценят и холят скидками, и даже сделали мне комплеман от заведения – карточку почётного клиента на золоте с бургонским таким отливом, в тон мамкиной шали.

И машины в этой компании хорошие. И диспетчера приветливые, даже в три утра (см. «К цыганам! В Разгуляево!»). И всё, в принципе, неплохо в этой компании...

А не буду я к этой компании больше обращаться. Стала она для меня как постылая и сварливая няня.

Привычка есть у местных шофёров-таксистов: выражать свой респект к пассажиру тем, чтобы безостановочно с пассажиром разговаривать. О том о сём... Ну, о чём обычно разгова-ривает таксист? О политике да о собственных проблемах. Был один – так он стихи мне соб-ственные читать пробовал по дороге в аэропорт, между лесопосадками. Мне так жутко стало. Ведь даже луны на небе не было. А в салоне стихи звучат. И до аэропорта ещё минут сорок ехать. Ладно, что до смертоубийства дело не дошло. Хотя в самолёте ко мне даже пилоты под-бегали, расталкивая пассажиров. Старушка одна всё плакала, остановиться не могла, на меня гляючи.

Другой жаловался мне на здоровье своё. Сам он был боксёром в юности, поэтому букет телесных страданий имел внушительный. Зимой он, например, не мог дышать. Из-за того, что

нос перебит в семнадцати местах и к дыханию воздухом не очень годится, а зубы обколоты в боксёрских поединках и от холода болят, из-за чего рот для дыхания исключается тоже. Плюс что-то там с селезёнкой. Печень. Отслоение сетчатки в левом глазу. И руки немеют в запястьях. Ломота в руках. Шея в двух местах на винтах. Колено меж пластинами.

Третий был из деревни. А в деревне житьё не очень. Погибает деревня-кормилица. Все родственники в скорбной очерёдности помирали у третьего. В марте дедушка отошел. Перед Пасхой снесли на погост брата двоюродного. На Девятое мая угорели в бане свояки. К сентябрю тётка (отравление) и племянница (отравление на поминках тётки). Я даже привыкать стал к этому скорбному ряду. Бывало, откроешь дверцу, сядешь в салон да и спросишь негромко и скорбно: «Кто?»

Четвёртый был демократом первой волны и работал даже депутатом районного совета в 91-м. Тут тебе и рассказы про то, как находил он в подсобках магазинов до семи кило утаённого мафией масла сливочного, консервы рыбные, два кило сырокопчёной колбасы. Тут тебе и конспективный анализ судеб России. Тут тебе и Путин, тут тебе и белка со свистком.

Пятый заикался. Его я любил больше всех. Под его речи было удобно понимать, что такое наркотики. В ночной клуб приезжал уже разогретый, со скошенными к переносице глазами, ко мне многие в VIP-зоне потом подходили, негромко спрашивали, где брал.

Всё! Отказываюсь я от такого счастья. Хотя такси было очень хорошим.

Простите за всё.

Неглухой Бетховен

Как мне все обрадовались на работе!

Мне все очень обрадовались. Такого отрепетированного восторга и не упомню. Вот, казалось, ещё минута-другая – и из задниц сотрудников полетят весёлые искры и конфетти-звёздочки. Или не из задниц, я не очень в курсе, где они там у них хранятся.

Прелесть моей эмоциональной глухоты очевидна. Вспомним Бетховена с его пресловутой глухотой. Ведь дома у Людвига мог стоять совершенно расстроенный рояль, половина клавиш вообще могла западать, в нутре у инструмента могли храниться готовые к закладке в ломбард вещи, картошка, что угодно, говоря короче. Будь у Бетховена слух – ситуация могла бы быть признанной трагичной, Бетховен скитался бы по зажиточным друзьям, кланча и надоедая. От него запирали бы музыкальные салоны, с трудом пускали бы в церкви с органом. Гений часами стоял бы у музыкальных магазинов, плюща нос о витрины. Жизнь стала бы для него очень неприятной. Встречая на улице другого композитора из зажиточных, только бы зубами скрипел да завистью исходил. В музыке появились бы ноты злобы и подозрительности.

А ведь Бетховен был, как мне рассказывали, учеником Сальери. Далеко ли до греха?! Тут ведь крутятся неподалёку обладатели приличных роялей, другие ученики Антонио – вон, посмотрите, Лист да Шуберт. Последний вообще ни черта не видит, а дома три пианино стоят! Три!!! Как устоять?! Как удержаться?! Пришлось бы лезть в окно к автору карусельных вальсов, подтягиваясь на руках, зажимая во рту стамеску. Потом выкручиваться на следствии. Дальше саксонские рудничные шахты, сырость забоя и аккордеон по воскресеньям в кабинете начальника тюрьмы, на табурете под портретом Фридриха-Вильгельма. И разучивали бы мы теперь совсем другие произведения бетховенские: Симфонию номер 7 «Рудники», застольную песню «Немецкая амнистия», рапсодию «Треуголочка» и хор «Оперá».

Вышедши из заключения, а то и сбежав на этапе, brutальный аккордеонист Бетховен, почёсывая татуировки под жабо, принялся бы лютовать – такой характер. Скрывался бы в Альпах, в гулких ущельях наводил бы ужас на округу перебором клавиш. Сидите вы в своём шале и собираете часы с кукушкой. Вдруг дверь нараспашку – а там он! В шкуре с чужого плеча, вены оплетают жилистые руки, причёска с сосновыми иглами в волосах.

– Есть?! – спрашивает. – Чё пожрать?! Только тихо! Погоня за мной. Консерваторские выследили. Я их за версту услышал, как только они пюпитры свои достали. Сдали меня, понял?! Вебер заложил! Волшебный, блин, стрелок... Пусть хозяйка соберёт чего по-быстрому, мне ещё, папаша, рапсодию одну кончить надо, шалаву блудную...

Такая была бы судьба у Бетховена. Вот и сидите с распахнутым ртом, сжимая свою кукушечку, наслаждайтесь встречей с неглухим композитором.

А тут, как мы теперь понимаем, к счастью для многих, оглохший гений мог часами барабанить по расчерченной под клавиатуру доске и вызывать всеобщее умиление, выдавая одно за одним шедевральное наследие. Знай только наливай да нотные тетради заноси.

Вот так, примерно, и с моей психопатической бесчувственностью. Мне ведь всё равно на чём играть, что за люди ищачат на меня, искренни ли они или мерзко кривляются. Главное – есть доска. И мой богатейший внутренний мир.

Мечта

У меня есть мечты. Я их пробую продавать, и продаю очень удачно. Успешнее я продаю только веру в себя и надежды на свой счёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.